

STUDIA

TÜRKOLOGICA

S	
	T

=====
Научное общество

Факультет международных отношений

Воронежский государственный
университет

=====

Studia Türkologica

Воронежский тюркологический сборник

Воронеж

2007

УДК 94 / 82.1 / 811.512.1
ББК 63.3(0)4 / 63.3(0)53
S 90

Редакционная коллегия:
асп. А.А. Баутин,
преп., к. полит. н., А.А. Киреев,
преп., к.и.н. М.В. Кирчанов,
доц., к.и.н. О.В. Шаталов

Он-лайн версия:
<http://ejournals.pp.net.ua>

Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник / ред. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2007. – Вып. 1. – 105 с.

© НОФМО ВГУ, 2007
© Авторы, 2007
© Перевод, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
Е.П. Антонов ДВИЖЕНИЕ КОНФЕДЕРАЛИСТОВ В ЯКУТИИ В 1927 – 1928 ГГ.	6 - 27
С.У. Дюйшенбиев РОЛЬ ИСЛАМА В СТАНОВЛЕНИИ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	28 – 35
СОВРЕМЕННЫЙ ТЮРКСКИЙ МИР: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС	
Мурад АДЖИ МЫ ГОВОРИЛИ НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ (Эссе о русском языке)	37 – 44
ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
В.В. Бартольд КИРГИЗСКОЕ ВЕЛИКОДЕРЖАВИЕ	46 – 58
Л. ВЕЛИЧКО РЕАКЦИЯ И ОППОЗИЦИЯ В ТУРЦИИ (По данным политических процессов)	59 – 63
АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ТЮРКОЛОГИИ (Sakha Studies в российской тюркологии 1990-х годов)	
Марианна БУРЦЕВА ЯКУТЫ И ДРУГИЕ НАРОДЫ СИБИРИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ АВТОРОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	65 – 80
Григорий ПОПОВ ТЮРКСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА ЛЕНЕ? Ранний общественно-экономический строй у якутов	80 – 90
ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ	
Максим Кирчанов ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ (на примере языковых исследований в Чувашской АССР)	92 – 101

I

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.П. Антонов

ДВИЖЕНИЕ КОНФЕДЕРАЛИСТОВ В ЯКУТИИ В 1927 – 1928 ГГ.

В 1927–1928 гг. на территории Якутии произошли события, известные в советской историографии как «мятеж конфедералистов». Во главе «мятежников» стоял юрист, бывший сотрудник Наркомата финансов Якутской АССР Павел Васильевич Ксенофонтов. Традиционно причинами мятежа назывались рост и активизация якутского кулачества в годы НЭПа. Так, советский историк З. В. Гоголев писал, что кулакам в ЯАССР в 1927 г. принадлежало 19,5 % посевной площади, а валовая их продукция составляла в животноводстве 16,7% [1]. Однако сразу следует отметить, что критерии разделения крестьян на кулаков, середняков, бедняков подбирались искусственно. На 4-ом Всеякутском съезде Советов делегат М. Винокуров говорил, что зачисление владельцев 10 голов скота к беднякам, а имеющих 15 — к середнякам является неправильным. Владелец 35 голов скота, продав все свое хозяйство, выручал 2000 рублей, в то время как некоторые «некрестьяне» за год зарабатывали 3000 рублей. Бухгалтеры (советские служащие) получали столько же, сколько мог получить крестьянин от продажи 120 голов скота [2]. Таким образом, понятие «кулак» не отражало реальную дифференциацию в уровне материальной обеспеченности различных социальных слоев общества. Когда П. В. Ксенофонтов вернулся из Москвы на родину в 1925 г., то его ужаснула жизнь людей в постреволюционной Якутии. Он не раз говорил, что жить стали гораздо хуже, чем до революции, а количество бедных возросло [3].

В советской историографии также бытует мнение, что Якутско-Иркутский тракт, проходивший через Западно-Кангаласский улус, и соседние Алданские золотые прииски обеспечили в 20-х гг. бурное развитие торговли, извозного промысла, производства сельскохозяйственной продукции и, соответственно, усиление влияния нэпманов. В результате, именно там и возникло повстанческое движение [4]. В этой связи следует отметить, что

Олекминский округ тоже был экономически развитым, через него также проходил Ленский тракт, еще ближе располагались Алданские прииски, но центром повстанчества он почему-то не стал. Таким образом, экономически детерменируя, установить причину возникновения мятежа невозможно.

Повстанчество 1927–1928 гг. в первую очередь явилось следствием национальной политики, проводившейся местными партийно-советскими органами. С узурпацией власти в стране генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным и началом формирования тоталитарной империи статус автономии для ЯАССР фактически утратил свое подлинное содержание и превратился в пустую декларацию. После заключения Союзного договора 1922 г. стали ущемляться права не только личности, но и целых наций, начала осуществляться политика сверхцентрализации, складываться сталинская унитарная система «автономий». Открыто проявлялся шовинизм русских чиновников в партийно-советских, административных и хозяйственных органах, расцвели бюрократизм, взяточничество и «комчванство». А. И. Икрамов — секретарь ЦК КП Туркестана (1921–1922) и Узбекистана (1927–1937) говорил о бюрократическо-циркулярном стиле руководства ЦК ВКП(б) союзными и автономными республиками и об огромном количестве нерешённых вопросов национальной политики, по поводу которых обращаться к И. В. Сталину среди местных руководителей было не принято из-за опасений арестов и расстрелов[5]. П. В. Ксенофонтов же считал, что вся работа по советскому строительству в СССР замыкалась «в узком кругу закрытой касты безответственной партийной бюрократии»[6]. Позже командир одного из отрядов повстанцев М. Васильев и начальник его штаба в «Обращении ко всем гражданам Советской Республики» прямо заявили, что ВКП(б) превратилась в правительственную партию и загнала революционное движение «в тупик полного подчинения» ОГПУ, большевики «суют нос» в дела иностранных государств, вызывая тем самым «справедливый гнев» более демократических правительств, чем «рабоче-крестьянское». Во имя сохранения революционных идеалов ВКП(б) предлагалось отказаться от диктаторства и отделиться от государства[7].

По утверждению первого якутского писателя, учёного-краеоведа, общественно-политического деятеля В. В. Никифорова в Якутской автономной республике с населением в 300 тысяч функционировало столько же наркоматов, сколько в РСФСР. При этом они занимались лишь передачей законодательных распоряжений и циркуляров из центра, причём работники наркоматов даже не задумывались над тем, как приспособить и какие изменения внести в них применительно к местным условиям и уровню культурного развития управляемого населения. Управленцы доходили до того, что не удосуживались даже переводить документы на якутский язык, перекладывая эту работу на малограмотных работников окружных и улусных исполкомов. Наркоматы со своими аппаратами располагались в г. Якутске и с улусами, находящимися на расстояние в тысячи вёрст никакой связи практически не имели, ограничиваясь получением не всегда достоверных сведений из окружных исполкомов. К примеру, сам В. В. Никифоров в ходе демографических обследований Вилюйского округа обнаружил, что руководство окружного исполкома даже не владело точной информацией о количестве наслеггов. За 1,5 года ни один нарком ЯАССР, кроме руководителя наркомата просвещения, здравоохранения и социального обеспечения А. Ф. Боярова, не выехал в улусы и не имел общения с населением. Между тем, подобного рода поездки порой являлись единственным источником информации для сельчан о ходе новых преобразований в экономике, политике и культуре республики[8].

Идеологическое ядро повстанцев составляли представители национальной интеллигенции: И. Г. Кириллов, В. М. Слепцов, П. Г. Оморусов, С. Н. Данилов и Г. В. Афанасьев. Их переход к нелегальной деятельности во многом был вызван отстранением от общественно-политической работы в период НЭПа. Так П. В. Ксенофонтов с горечью сетовал на то, что в конце 20-х гг. власти затравили, признали контрреволюционной и устранили от советской работы активную часть интеллигенции Западно-Кангаласского улуса[9]. Многие же привлечённые к партийно-советскому, хозяйственному и культурному строительству интел-

лигенты были недовольны занимаемыми должностями и считали себя полностью невостребованными[10].

Лидер движения П. В. Ксенофонтов являлся сторонником советской социалистической системы при «авангардной роли пролетарской компартии», но с правом существования «национальной советской социалистической крестьянской партии». Реставрацию капитализма считал безосновательной, поскольку был убеждён, что отсталая национальная республика должна являться исключительно советской. Но при этом был настроен оппозиционно по отношению к руководству Якутской областной партийной организации. Считал, что она механически на местах претворяет в жизнь решения Центра, игнорируя идею В. И. Ленина, что в национальных республиках диктатура партии должна носить не жёсткий характер, как в центре, а мягкий и гибкий. Он ссылаясь на письмо Ленина председателю Татарского ЦИК Султан Галиеву, что «...компартия в отсталых национальных окраинах не должна быть диктатором и даже педагогом, а только няней»[11]. Он предлагал внести ряд изменений в Конституцию Якутской АССР, считая, что Якутия имеет право на союзный статус как Узбекистан и Туркмения, которые получили его в 1925 г. на 3-м Всесоюзном съезде Советов. П. В. Ксенофонтов сопоставлял уровни экономического и культурного развития ЯАССР и Узбекской ССР, которая образовалась из трех автономных республик: Хорезмской, Туркестанской и Бухарской. В Туркестане мусульманская религия не была отделена от государства, и там продолжали работать духовные школы. В Хорезме 60% партийцев являлись торговцами и служителями исламского культа. В Бухаре продолжал действовать суд шариата[12]. Таким образом, в среднеазиатских республиках длительное время сохранялись «сильные пережитки традиционного патриархально-феодалного уклада жизни». Подобное положение объяснялось утверждениями большевиков в начале 1920-х годов о том, что коммунизм и шариат не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. После окончания повстанческих выступлений в Средней Азии, Северном Кавказе и Татарстане большевики в 1922 г. восстановили ликвидированные в ходе боевых действий шариатские суды, вернули мечетям и медресе конфискованное имущество, возродили

управление вакфов и т.д. Нарком по делам национальностей И. В. Сталин тогда поддерживал таких лидеров «советских шариатистов», как Бабахан в Туркестане, Расулов в Татарстане, Тарко-Хаджи в Дагестане, Али-Митаев в Чечне, Каткаханов в Кабарде и других[13].

П. В. Ксенофонов апеллировал к Конституции РСФСР 1918 г., где говорилось, что Российская Федерация образуется на основе свободного союза свободных наций, что трудящиеся каждой нации самостоятельно на своих съездах Советов решают вопросы о вхождении в состав России. Также он указывал на Декларацию прав народов России, где имелось положение о равенстве, самостоятельности и праве на свободное самоопределение вплоть до отделения от РСФСР[14]. Но не все его соратники соглашались с доводами. К примеру, В. М. Оросин саркастически вопрошал, как возможно после выступления против местных коммунистов, просить у Центра, где сидят такие же коммунисты, самостоятельности?[15].

Интересно, что само местное партийно-советское руководство ЯАССР также стремилось к получению большей самостоятельности. В 1924 г. первый секретарь Якутского обкома РКП (б) Е. Г. Пестун поставил вопрос о выводе республики из-под руководства Сибкрайкома (г. Новониколаевск) и непосредственном подчинении Москве. Инициатива объяснялась отсутствием постоянных экономических, финансовых и культурных связей с Западной Сибирью, что и делало излишним наличие дополнительной управленческой инстанции. Контакты имели «формально-отчётный характер», отсутствовала увязка взаимных интересов. По существу все вопросы, начиная от финансовых и кончая судебными, приходилось разрешать в ЦИКе и во ВЦИКе в Москве. Более полные директивы и циркуляры, литература и другие документы систематически поступали из столицы. Телеграфное сообщение с Кремлем работало лучше, чем с Новониколаевском. Сибкрайком поддержал идею якутского партийно-советского руководства перед ЦК РКП (б), но расценил общую линию обкома, как перегиб в сторону излишней якутизации, переходящей в национализм[16].

П. В. Ксенофонтов считал, что национальный состав членов ЯЦИКа должен соответствовать в пропорциональном отношении национальному составу Якутской АССР. Пять же членов Совета Национальностей в Москве от Якутии, по его мысли, должны были быть избраны из якутов, поскольку интересы русских, как в Совете Национальностей, так и в Союзном Совете обеспечивались в достаточном количестве. Здесь П. В. Ксенофонтов исходил из того, что в резолюции 12-го съезда ВКП(б) говорилось, что органы управления национальных республик должны формироваться из «людей местных, знающих язык, быт и обычаи соответствующего народа»[17].

Одной из причин возникновения мятежа стала проблема колонизации. П. В. Ксенофонтов считал переселение из центральных областей страны в республику одной из необходимых мер для культурного подъёма Якутии. Но при этом отвергал осуществление колонизации в ущерб интересам местного населения, т.е. за счёт прирезки земель, занятых местным населением[18]. Его единомышленники писали, что после 1917 г. земельные угодья русских приленских крестьян увеличились за счет якутских скотоводческих хозяйств, не выдерживавших конкуренции с более передовыми русскими земледельческими хозяйствами. Якуты разорялись и превращались в батраков русских кулаков[19]. По мнению, П. В.Ксенофонтова «прирезка» земель нарушала сложившийся вековой уклад жизни местного населения[20]. К тому же хозяйственные и кооперативные учреждения Якутии уступали свои позиции на рынке Сибторгу, РАСО и другим российским торговым организациям. Животноводы и хлеборобы Якутии страдали от высоких цен на промышленные товары, от «ножниц цен»[21]. Эти обстоятельства привели П. В. Ксенофонтова к выводу, что для регулирования массового и бесконтрольного наплыва рабочей силы из других регионов страны требуется расширение самостоятельности республики.

Когда события мятежа вошли в активную фазу, на совещаниях руководства ЯАССР докладчики о бандитизме связывали активизацию кулачества Западно-Кангаласского улуса также с мероприятием властей по отторжению сенокосных уго-

дий кулаков в пользу безземельных русских крестьян[22]. Уполномоченный ЯЦИК К. О. Гаврилов в своем докладе о настроениях населения Мегинского улуса отметил большой процент участия жителей Амгинского и Западно-Кангаласского улусов в повстанческом движении. Причина же, по его мнению, заключалась в том, что амгинцы боялись потерять свои земельные угодья на Алдане, а кангалассцы опасались передачи земель вдоль Ленского тракта русским хлеборобам[23]. На совместном заседании Контрольной Комиссии и Якутского обкома ВКП(б) в 1928 г., уже по подавлению движения, была вынесена резолюция, где в качестве одной из причин мятежа называлась производившаяся в 1927 г. «прирезка» от земель якутов в пользу русских крестьян и начало практического осуществления колонизации Алдана[24]. В свою очередь русские крестьяне Олекминского округа доносили председателю Комиссии ВЦИК, специально отправленной для разбирательства обстоятельств «мятежа» председателя ВЦИК СССР Я. В. Полуяну, что на одиннадцатом году революции участки, обрабатываемые ими, числятся собственностью якутов. Они предлагали произвести новый и справедливый передел всей земли между теми, кто на ней трудится[25]. В 1920-е годы на одно русское хозяйство приходилось 0,5–1,5 га пашни, 0,1–0,2 га покосов, а в якутских наслегах Западно-Кангаласского улуса на одно хозяйство якутов приходилось по 137 га земли. ЯЦИК и Наркомзем ЯАССР откладывали вопрос о прирезке земли, а отдельные чиновники откровенно заявляли, что: «...в Якутии русским земли не полагается». С 1921 г. по 1927 г. число русских хозяйств по Ленскому тракту сократилось на 18%[26]. Таким образом вопрос национальный в ЯАССР оказался тесно связан с вопросом аграрным.

Существенные опасения у национальной интеллигенции Якутии в годы НЭПа вызывала ситуация бесконтрольной раздачи концессий иностранцам на территории республики, в результате которой в местах добычи полезных ископаемых появятся густонаселённые районы. Таким образом, в случае иностранной экспансии коренные жители могли оказаться в положении людей «второго сорта». Высказывались мысли, что тогда на железных дорогах введут отдельные вагоны для якутов и для «белых»,

в городах аборигенам запретят входить в иностранные кварталы. В парках вывесят надписи, что: «якутам и собакам вход запрещён». Т.е. возникнет такая же ситуация, как в полукOLONIALном Китае[27]. П. В. Ксенофонов и его соратники считали, что это приведёт к исчезновению якутов под натиском более культурного «иноплемённого» населения. Данное обстоятельство также подталкивало П. В. Ксенофонтова и его соратников добиваться договорных отношений с Центром и предоставления статуса союзной республики. Будущий начальник штаба повстанческих отрядов М. К. Артемьев подчёркивал, что якуты, русские, евреи, татары и другие народы должны быть равноправными гражданами Якутии. Никаких привилегий у народа саха не должно быть[28].

П. В. Ксенофонов ратовал за постепенную индустриализацию за счет внутренних резервов, без привлечения иностранных концессий, тем самым выступали против сталинских «ударных темпов»[29]. Открытие недровых богатств республики геологами и членами академических экспедиций АН СССР встревожило его и стало одной из причин выдвижения вопроса повышения политического статуса Якутской АССР. Он предвидели опасность господства различных ведомств и хотел на равных встретить волну переселенцев, так как без этого, по его мнению, не могло быть и речи об интернационализме[30]. Для обеспечения равноправия предполагалось закрепить за Якутией право самостоятельного распоряжения землями, недрами, водами, лесами. Не имея собственности, Якутия не могла, по мысли П. В. Ксенофонтова, стать свободной. Без конституционного права и признания этого смысл «автономии» сводился к пустой декларативной вывеске.

Характерно, что стремление получать доходы от добычи полезных ископаемых имелось и среди местных советских властей. Так М. К. Аммосов в 1926 г. заявлял, что переданное из республиканской собственности в союзное объединение «Алданзолото» должно выделять 5% добываемого золота Якутии.[31].

Большое внимание П. В. Ксенофонов уделял проблемам демократизации советского общества. Он утверждал, что коммунистическая партия умышленно подавляет общественную и политическую активность беспартийной интеллигенции, препятствует созданию благоприятной атмосферы для её участия

в советском строительстве. В результате национальная интеллигенция оказалась в роли бесправного скота, с которым власти не желают считаться. Даже депутат Всеякутского съезда Советов — законодатель не имеет неприкосновенности и прав организовать не только общественное объединение, но и созвать собрание граждан. По мысли лидера будущих повстанцев без подлинного народовластия и политической свободы личности невозможно было достичь социально-экономического и культурного процветания Якутии. Для решения этих проблем в программе созданной П. В. Ксенофонтовым партии будет выдвинуто требование соблюдения прав личности, свободы слова, собраний, печати[32]. Кроме того, предполагалось введение в Конституцию ЯАССР положения об обособлении законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Предусматривалось строгое соблюдение подзаконности исполнительной власти. Всеякутскому съезду Советов, согласно идеям П. В. Ксенофонтова, предоставлялось право вынесения недоверия СНК Якутии, влекущее в последующем его отставку. Такая реформа представлялась П. В. Ксенофонтову творческим развитием социалистических идей: если ВКП(б) отделила государство от церкви, то теперь назрела пора отделения государства от партии[33].

Первоначально П. В. Ксенофонтов и поддержавшие его беспартийные интеллигенты пытались внести изменения в Конституцию ЯАССР мирным путем. Поэтому западно-кангаласская улусная интеллигенция выставляла самостоятельные списки делегатов на улусные съезды и на окружные съезды Советов, стремясь провести своих представителей. Но в 1925 г. и в 1926 г. Якутский обком ВКП(б) оказал открытое давление на голосовавших, и число делегатов от Западно-Кангаласского улуса не только не увеличилось, но к 1927 г. даже значительно сократилось. Кандидатура самого П. В. Ксенофонтова на окружном съезде была забаллотирована. По приказу из Москвы якутские власти в 1927 г. провели массовую чистку органов властей всех уровней от «социально чуждого элемента»[34]. Кроме попыток получить статус депутата Совета, П. В. Ксенофонтов обращался к членам «беспартийной фракции» В. Н. Леонтьеву и А. Д. Широких на 4-ом Всеякутском съезде Советов

с предложением внести поправки в Конституцию ЯАССР. Но эти представители национальной интеллигенции отказались что-либо предпринимать[35].

После этих неудач П. В. Ксенофоновым было принято решение приступить к созданию партии. Поначалу он не хотел создавать никакой политической организации, но его друзья, разделявшие его взгляды, придерживались другого мнения[36]. Вскоре Павел Васильевич сблизился с активным участником повстанческих движений в Якутии в 1921–22 гг., «пепеляевщины», тунгусского движения 1924–1925 гг. амнистированным Советской властью М. К. Артемьевым. В ходе ряда встреч в ресторане, пивной и театре они быстро нашли общий язык по общественно-политическим вопросам. В это время среди населения разнеслись слухи о том, что руководству якутского обкома ВКП(б) стало известно о готовящемся контрреволюционном антисоветском заговоре, во главе которого стоит П. В. Ксенофонов. Однако, при встрече с секретарем партийной организации М. К. Аммосовым в театре ни какие претензии ему не высказывались.

В мае 1927 г. П. В. Ксенофонов поехал в г. Покровск и посетил своего двоюродного брата И. Г. Кириллова, который с нескрываемой тревогой сообщил, что ОГПУ намеревается произвести массовые аресты среди бывших участников повстанческого движения начала 1920-х годов. Именно тогда П. В. Ксенофонов окончательно решил организовать «военную демонстрацию» для привлечения внимания и разъяснения властями и населению Якутии своих программных требований. Аналогичное движение произошло в 1926 г. в Башкирии, которое было разрешено ненасильственным путем после приезда туда Л. Д. Троцкого.

Прождав ареста до начала августа 1927 г., П. В. Ксенофонов решил, что опасения И. Г. Кириллова являются необоснованными. Он вместе со своей супругой даже вознамерились поехать в Покровск, но близкие друзья в категорической форме воспрепятствовали этому, уверяя, что их немедленно арестуют. Работы по формированию тайной организации тем временем продолжались. Надо заметить, что слухи о возникновении подполья распространились задолго до начала каких-либо практических дей-

ствий, поскольку П. В. Ксенофонтов очень часто делился своими размышлениями со многими представителями национальной интеллигенции. К тому же, многие из его единомышленников уверяли население, что организованы даже конспиративные «пятерки»[37]. Один из активистов этого движения В. Н. Егоров впоследствии заявлял, что примкнул к тайной группе в 1926 г. по предложению И. Г. Кириллова. По приказу последнего он составил план г. Якутска с указанием расположения зданий партийно-советских учреждений, воинских частей, местной тюрьмы и квартир ответственных руководителей республики. Называлась даже «точная» дата вооруженного выступления — 21 сентября 1927 г. В этот день заговорщики должны были разрушить красноармейские части и созвать чрезвычайный Всеякутский съезд, на котором внести изменения в Конституцию Якутской АССР[38]. Действительно, такой план был разработан И. Г. Кирилловым, но большинство будущих конфедералистов, в том числе и П. В. Ксенофонтов отвергли его как «вздорный и легкомысленный». Но И. Г. Кириллов, зная, что никакого вооруженного восстания на 21 сентября 1927 г. не намечено, тем не менее продолжал горячо уверять своих знакомых, в том числе и В. Н. Егорова, что оно непременно будет осуществлено в назначенный срок.

В сентябре 1927 г. заместитель наркома внутренней торговли ЯАССР П. Д. Яковлев, не разделявший идей П. В. Ксенофонтова, вдруг предложил ему свои услуги по ведению переговоров с правительством ЯАССР. Естественно, искренность его намерений вызвала сомнение. Однако в это же время поступило сообщение о прибытии красноармейского отряда в С. Покровск. П. В. Ксенофонтов поспешно попытался через П. Д. Яковлева ознакомить со своей программой местные власти и интеллигенцию в Якутске, чтобы избежать вооруженного конфликта. Однако П. Д. Яковлев известил партийно-советских лидеров, что у П. В. Ксенофонтова не хватает времени для ведения мирных переговоров с ними[39]. При этом о содержании беседы с П. В. Ксенофонтовым видимо было донесено в ОГПУ. О провокаторской роли П. Д. Яковлева свидетельствует тот факт,

что его имени не было в списке репрессированных после подавления выступления.

16 сентября 1927 г. к П. В. Ксенофонтову приехали С. М. Михайлов и П. Г. Оморусов. Они втроем отправились в местность Кудома Жемконского наслега Восточно-Кангаласского улуса. К ним начали присоединяться единомышленники. 28 сентября состоялось первое учредительное собрание, на котором утвердили программу и устав партии «Младоякутской национальной советской социалистической партии «конфедералистов». С целью привлечения внимания общественности и властей к программным требованиям, а также защиты свободы лидеров движения было решено произвести «вооруженную демонстрацию», а для этого послать своих вербовщиков по улусам для набора в повстанческие отряды. Отсюда видно, что срок выступления не был определен заранее, партия не сформирована до самого последнего момента, отсутствовали вооруженные отряды. Многие идейные единомышленники Павла Васильевича были уже к тому времени арестованы ОГПУ. Таким образом, движение началось хаотично и сумбурно, поскольку отсутствовало вертикальное руководство. Да и сами мятежники являлись не целеустремленными, сплоченными и дисциплинированными заговорщиками, а напоминали членов дискуссионного клуба.

После собрания С. М. и С. И. Михайловы, Т. Н. Николаев, П. Гаврильев выехали в Усть-Майский район к М. К. Артемьеву, имеющему опыт партизанской борьбы, а остальные во главе с П. В. Ксенофонтовым в Западно-Кангаласский улус. М. К. Артемьев во главе отряда в 50 человек занял С. Петропавловск, где к ним примкнули 18 тунгусов. Вскоре прибыла группа С. М. Михайлова, и были организованы два собрания местных жителей, на котором присутствующих ознакомили с программой партии конфедералистов. С. М. Михайлова избрали командиром, а М. К. Артемьева начальником штаба повстанческого отряда[40].

Реакция Советской власти была вполне однозначной. На III Чрезвычайной сессии ЯЦИК 6 октября 1927 г. член Президиума ЯЦИК и бюро Якутского обкома ВКП(б) К. К. Байкалов заявил,

что отряды П. В. Ксенофонтова являются бандитскими, а руководители движения — это деклассированные, не нашедшие в мирном строительстве своего применения, спившиеся, беспринципные и одурманенные иллюзиями элементы, которые руководить массами не способны.

Первый секретарь Якутского обкома ВКП(б) И. Н. Барахов заявил, что повстанцы открыто выступать против советской власти не желают, поэтому перед народом выдвигают лозунги тактического характера о сохранении власти Советов. Он назвал идею самоопределения на правах союзной республики с вхождением на договорных началах в Советский Союз Якутии, которая целиком находится на содержании России, «чушью» и «ребячеством»: «Подобной агитацией можно было бы завлечь лишь тёмную массу населения и молодёжь».

7 октября 1927 г. на частном совещании представителей якутской интеллигенции И. Н. Барахов обвинил мятежников в попытке отторжения вооружённым путём ЯАССР от РСФСР[41]. Указывалось, что установление договорных отношений с СССР необходимо повстанцам, чтобы во время нападения империалистических государств появилась возможность выхода Якутии из состава Советского Союза, что означало бы закабаление республики империалистами и превращение её в колонию. В действиях «ксенофонтовых и артемьевых» усматривалось намерение открыть путь на внешний рынок якутским кулакам и нэпманам[42]. Подобного рода измышления сознательно распространялись с целью навесить ярлык «националистов» и «сепаратистов» на лидеров движения.

Прежние повстанческие выступления 1921–1922 гг., «тунгусский» мятеж 1924–1925 гг., «заговоры» в северных улусах ликвидировались мирным путём посредством переговоров. В случае же с «ксенофонтовщиной» власти проигнорировали требования повстанцев и сделали ставку на силовое подавление этого выступления.

Боевые действия начались с того, как в Петропавловск, захваченный повстанцами, прибывшие к М. К. Артемьеву Г. Ф. Окорочков и Я. К. Нестер принесли известие, что отряд, подчиняющийся руководству ЯАССР, покинул С. Абага, что позволя-

ло взять этот населенный пункт без боя. Однако неожиданно для себя повстанцы столкнулись в Абаге с сопротивлением, оказанным сельскими подростками — пионерами. После 3–4 часовой перестрелки в ночь с 7 на 8 ноября 1927 г. конфедералисты отступили. Причиной отхода, по словам М. К. Артемьева, являлся «могущий быть урон и жертвы». Конфедералисты не хотели проливать кровь и желали действовать лишь силой убеждения.

После абагинской перестрелки повстанцы направились в местность Табалах, в 3–4 верстах южнее Абаги. Там они отпустили на свободу задержанных ранее агентов ОГПУ. В дальнейшем конфедералисты также освобождали всех захваченных в плен партийцев, разведчиков и красноармейцев. Это было проявлением гуманизма и актом доброй воли, направленным на создание условий для свободных и мирных переговоров с местными властями. Повстанцы обошли Амгу и через Чакыр добрались в Чемайки, где пробыли 5–6 дней[43] Из Чемайки повстанцы под командованием С. М. Михайлова двинулся в С. Качикатцы, для соединения с западной группировкой. 18 ноября в местности Джарала Западно-Кангаласского улуса произошла вторая перестрелка.

В тот же день в г. Якутске на собрании членов культурно-просветительного общества «Саха омук», объединявшего большинство представителей национальной интеллигенции Якутии, его члены осудили идеологическую платформу конфедералистов, как «не отвечающую интересам и чаяниям якутского трудового народа». Они признали, что лишь существующая советская власть под руководством ВКП(б) способна обеспечить экономический и культурный расцвет республики. Вооружённый путь, избранный конфедералистами для пропаганды и отстаивания своих взглядов, объявили нарушающим ход экономического и культурного строительства в ЯАССР. Но в резолюции представителей интеллигенции отсутствовал призыв к военному подавлению выступления[44].

22 ноября группы П. Г. Оморусова (30 чел.) и И. Г. Кириллова (26 чел.) объединились в один отряд и вошли в Мытатцы. Вскоре туда стянулись основные силы мятежников, и общая численность их составила 160 человек, но только 100–120 бойцов имели огне-

стрельное оружие. Там был образован объединенный штаб вооруженных сил конфедералистов.

«Демонстрация», несмотря на серьезный резонанс у партийно-советского руководства, осенью 1927 года по большому счету не имела успеха. Президиум ЯЦИК и СНК 28 ноября 1927 г. признали программу конфедералистов «нелепой и выдуманной, основанной на ложных и путаных основаниях, прикрытых революционными фразеологиями, которые, по существу, являлись контрреволюционными»[45]. Руководство ЯАССР, по утверждению В. В. Никифорова, не только хранило гробовое молчание, не информируя население о политической платформе движения, но и не сообщало о численности мятежников. На собрании актива организации ВКП(б) г. Якутска 5 декабря 1927 г. отмечалось, что «никаких программ, никаких бандитских листовок» в периодической печати публиковать не стоит[46]. Поэтому происходящим событиям народ давал свои объяснения, которые зачастую не соответствовали действительности.

В этих условиях 4 декабря 1927 г. в Мытатцах состоялся объединенный пленум командного состава повстанцев. На нем с основным докладом о движении конфедералистов выступил П. В. Ксенофонтов. Состоялись выборы, на которых он был избран Генеральным секретарем ЦК, а членами ЦК С. М. и С. И. Михайловы, П. Г. Оморусов, С. Н. Данилов, Г. В. Афанасьев, А. П. Павлов, И. Л. Белолобский, В. М. Слепцов, Ефремов. Членами Центральной Контрольной комиссии стали И. Г. Кириллов, А. М. Оморусова и М. К. Артемьев.

После пленума повстанцы маневрировали в районе Мытатцев до 16 декабря 1927 г., уклоняясь от боя с красноармейскими отрядами. Затем основная группировка мятежников разделилась на две части. Первая во главе с И. Г. Кирилловым и М. К. Артемьевым (70 чел.) двинулась через Намцы в Дюпсинский улус. Второй отряд под командованием С. М. Михайлова (40–45 чел.) направился в Восточно-Кангаласский улус. Третья перестрелка случилась в местности Юс-Кель, в ходе которой погиб один красноармеец. В местечке Харыялах того же улуса завязалась еще одна перестрелка, после

которой конфедералисты отошли в Майю, потеряв 7 чел. (2 — ранеными и 5 — пропало без вести). Из Майи михайловцы прошли через территории еще 5 улусов, где на сельских сходах оглашали свои воззвания к народу, в которых говорилось о необходимости самоопределения якутской нации. Эти обращения обнародовались на якутском и русском языках.

Отряд И. Г. Кириллова был обстрелян в Намцах красноармейцами. Вскоре еще одна перестрелка произошла в Хатырыке. Перейдя р.Лену, они с удивлением узнали об ожесточенном бое между двумя отрядами красноармейцев, принявших друг друга за «бандитов». Причиной явилась плохая связь между преследующими повстанцев частями и отсутствие должной связи и взаимодействия. В преследовании участвовали красноармейские сводные отряды И. Я. Строда (255 чел.), Н. Д. Кривошапкина — Субурусского, К. М. Котруса и др.[47]

Группы С. М. Михайлова и И. Г. Кириллова соединились в Баягантайском наслеге Дюпсинского (ныне — Усть-Алданский) улуса и дошли до местечка Хара (ныне в Таттинском улусе), а оттуда к устью реки Амги. Там они вновь разделились на две части, и отряд С. М. Михайлова отправился через Чемайки и Усть-Миль в Усть-Аим в надежде связаться с П. В. Ксенофонтовым, пребывавшем в Горном улусе. Отряд И. Г. Кириллова и М. К. Артемьева пошел через Петропавловск в Усть-Аим. Они хотели добраться до безопасного места и начать переговоры с местным правительством по существу своих требований.

Руководство ЯАССР не раз обращалось к лидерам движения с предложением сдаться, обещая в этом случае амнистию. Считая, что основная цель «демонстрации» — пропаганда политической программы партии — достигнута и, одновременно осознавая пассивность основной массы населения, 1 января 1928 г. П. В. Ксенофонтов сдался властям и был арестован в квартире К. Байкалова, поверив в данное коммунистами слово об амнистии. 27 января 1928 г. отряд С. М. Михайлова, получив письмо от П. В. Ксенофонтова, сдался красным в местности Олом-Кель Эмисского наслега Амгинского улуса. Группа И. Г. Кириллова и М. К. Артемьева сложила оружие в Усть-Аиме 6 февраля

1928 г.[48] Так завершилась пятимесячная «вооруженная демонстрация», организованная П. В. Ксенофоновым и его соратниками. Она в корне отличалась от кровопролитных повстанческих движений в Средней Азии, Северном Кавказе и других национальных окраинах. Это движение, по своему характеру, являлось типично «интеллигентской демонстрацией».

По завершению боевых действий в г. Якутск из Москвы прибыла специальная столичная комиссия ЦК ВКП(б) Я. Полуяна, а потом и группа сотрудников ОГПУ во главе членом коллегии ОГПУ СССР С. В. Пузицким. Начались репрессии. Всего по делу «ксенофоновщины» было репрессировано **272** чел., из них **128** чел. — расстреляно, **130** чел. — осуждено на различные сроки заключения[49]. В журнале «Чолбон» за **1991–1993** года был опубликован список из **397** реабилитированных лиц. Из них **166** чел. (**42%**) пострадало в **1928–1930** годах и **231** чел. (**58%**) в **1937–1938** годах.

Для Якутии репрессии **1928–1930** годов стали не «прелюдией» последующих карательных акций органов безопасности, не «генеральной репетицией Большого Террора», а проведением полномасштабной репрессивной политики сталинского руководства страны в одной из ее национальных окраин. Это стало одним из первых массовых проявлений методов решения национального вопроса в СССР. Жертвами произвола пали не только непосредственные участники движения, но и непричастные представители национальной интеллигенции: А. И. Софронов, В. В. Никифоров, В. Н. Леонтьев, лингвист Г. В. Байшев — Алтан Сарын, И. Ф. Афанасьев и др. Под беспощадный каток репрессий угодили и абсолютно невинные люди. Например, студентки Якутского педагогического техникума К. Н. Егорова и М. В. Харитонова были осуждены и сосланы за то, что в своих частных письмах обменялись мнениями по поводу движения конфедералистов. Были осуждены ничего не подозревавшие о заговоре амнистированные **1920-х** гг. русские белые офицеры: А. М. Храповицкий, И. Н. Герасимов, В. П. Николаев, П. П. Шулепов[50]. Был расстрелян и оперуполномоченный ОГПУ П. С. Жерготов, добившийся добровольной сдачи отряда Артемьева. Досталось и тем якутским ин-

теллигентам, что входили в партийное и советское руководство ЯАССР. В постановлении созданной для выяснения причин повстанческого выступления комиссии ЦК ВКП(б) «О положении в Якутской организации ВКП(б)» первые руководители ЯАССР, деятели революции 1917 г. И. Н. Барахов, М. К. Аммосов, С. В. Васильев и др. обвинялись в допущении «ряда серьезных ошибок» заключавшихся в том, что они «...оказывали поддержку верхушечной части националистически настроенной интеллигенции, систематически ее выдвигая на руководящую работу». Последовала кадровая перестановка — из 30 членов и кандидатов прежнего состава Якутского обкома ВКП(б) в новый состав не вошли 20 чел., в том вышеупомянутые М. К. Аммосов и И. Н. Барахов, председатель областной Контрольной комиссии С. В. Васильев, основоположник якутской советской литературы председатель СНК ЯАССР П. А. Ойунский, и.о. наркома просвещения и здравоохранения С. Н. Донской-2 и другие [51]. К тому же этих лиц открыто стали обвинять в «правом оппортунизме», «правом уклоне», «буржуазном перерожденчестве» на Якутской VI партийной конференции, собраниях и в периодической печати.

2 июня 1928 г. бюро Якутского обкома ВКП(б) постановило ликвидировать культурно-просветительное общество «Саха омук», не смотря на то, что его члены активно боролись против повстанческих отрядов П. В. Ксенофонтова и М. К. Артемьева. В документе отмечалось, что в составе объединения сконцентрировались антисоветские элементы, а инициатива в работе принадлежала националистически настроенной интеллигенции, которая воспитывала молодёжь в националистическом духе. В 1937 г., подводя итоги деятельности чекистов, нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов объявил «Саха омук» «буржуазно-националистической организацией». В 1930-е годы членство в этом обществе однозначно расценивалось как контрреволюционное, антисоветское деяние. Репрессии крупных деятелей республики осуществлялись по спискам членов этого объединения.

На состоявшейся в 1928 г. VI-ой областной партийной конференции между бывшими и новыми руководителями ЯАССР произошёл ожесточённый спор о роли национальной интеллигенции

в ксенофоновщине. «Первых лиц» ЯАССР М. К. Аммосова, И. Н. Барахова и их сподвижников обвинили в выдвигании верхушки националистически настроенной интеллигенции на ответственные руководящие должности в республике, а также в допущении роста её политического веса за счёт влияния партии. Это стало, по мнению новых руководителей, причиной искажения классовой линии местного обкома в национально-государственном, экономическом и культурном строительстве Якутии[52]. Подобного рода обвинения были тем более необоснованны, т.к. И. Н. Барахов до 1927 года неоднократно просил ЦК ВКП(б) отправить партийно-советских работников в республику. Но каждый раз получал ответ, что никто добровольно не соглашался ехать в такую далёкую окраину, как Якутия. Руководству Якутской АССР рекомендовалось самой подыскивать недостающие кадры[53].

Практически сразу по началу компании по дискредитации, М. К. Аммосов, И. Н. Барахов и И. Н. Винокуров в своём заявлении на имя секретаря ЦК ВКП(б) В. М. Молотова выразили несогласие с выводами комиссии ЦК ВКП(б) Я. В. Полуяна. Они доказывали, что руководство республики использовало интеллигенцию, прежде всего, не как политическую силу, а в качестве культурной опоры. Это вызывалось тем, что в условиях сплошной неграмотности населения достигавшей 95%, малочисленная национальная интеллигенция (300 чел.) играла огромную роль в обществе. Между тем, скоропалительные резолюции, вынесенные приезжими партийцами, послужили основой разгрома основного руководящего ядра Якутии и «...приходу к власти левацких элементов, среди которых имелось немало бывших оппозиционеров и националистов»[54]. Смещённые руководители республики в 1928 г. писали, что они поначалу относились к членам комиссии ЦК ВКП(б) Я. В. Полуяна доверчиво и ожидали объективных выводов. Но, оказалось, что посланцы Центра добивались лишь разоблачения, дискредитации и шельмования старого руководства. Всю национальную интеллигенцию они причислили к контрреволюционной и подлежащей разгрому силе[55].

«Левацки настроенные коммунисты», пришедшие к власти вместо прежнего руководства (А. Г. Габышев, А. К. Андреев, А. И.

Кремнёв и др.) особо критиковали М. К. Аммосова за высказанные в 1927 г. слова: «Движущие силы революции в Якутии состояются из сочетания крайне разнообразных сил. В первую очередь идёт наша партия, как отражение силы и мощи пролетариата всего Союза и как организующий центр и решающий оплот Советской власти на окраинах. Дальше идёт наша полупролетарская социальная база, в лице батрака и бедняка, затем идёт, как основная социальная сила, как центральная фигура — середняк, в руководстве над которыми партия может использовать и местную нацинтеллигенцию, по своему социальному положению в основном являющуюся мелкобуржуазным элементом и тесно связанную с указанными социальными группами. Считается установленным, что роль местной интеллигенции в окраинах во многих отношениях совсем другая, чем в центре, что без прямого их использования и привлечения к состроительству почти невозможно на местах укрепить это строительство» [56].

Новые партийно-советские руководители заявляли, что коммунистическая партия никогда не доверяла осуществлять руководство массами через интеллигенцию. Неодобавали, с каких это пор интеллигенция сделалась движущей силой социалистической революции? Подчеркивали, что в решениях 4-го национального совещания говорилось о привлечении «трудовой части» интеллигенции, а не всего этого социального слоя. Однако на тот момент позиции сторонников бывшего партийного руководства в Москве оказались сильнее, аргументы убедительнее и 30 апреля 1929 г. партколлегия ЦК ВКП(б) в составе Е. М. Ярославского, М. К. Аммосова, И. Н. Барахова, И. П. Редникова, Н. С. Варфоломеева, С. М. Аржакова, Б. М. Чижика, А. Ф. Боярова и других вынесла следующее решение: «Якутскому обкому принять меры к прекращению дискредитации отозванных постановлением ЦК ВКП(б) от 9 августа 1928 г. товарищей Аммосова, Васильева, Барахова и др. На этом «ксенофоновщина» завершилась и для экс-руководителей ЯАССР.

Таким образом, подводя итоги, можно говорить, что модель «социализма» конфедералистов имела явные социал-демократические черты. Конфедералисты являлись идейными

продолжателями инициатив сибирских областников-федералистов, которые отстаивали региональные интересы. П. В. Ксенофонтов и члены партии конфедералистов были продуктом трех российских революций, разбудивших и вызвавших к жизни после 300-летней спячки под колониальным игом Российской империи силы национального возрождения, которые восприняли результаты революций как импульс к социально-экономическому и культурному развитию.

Общественно-политические идеи единомышленников П. В. Ксенофонтова, объявивших себя «конфедералистами», сформировались в период НЭПа и отражали очередной этап становления государственности якутского народа. Их альтернативные советско-большевистским взгляды представляют собой памятник законодательной мысли Якутии. Якутские «конфедералисты» не были сепаратистами, т.к. их модель государственного устройства не имела ничего общего со структурами Швейцарской Конфедерации (1291–1798 и 1815–1848), Соединенных Штатов Америки (1781–1787), Германской Конфедерации (1815–1866), Конфедеративных штатов Америки (1861–1865). «Конфедералисты» являлись скорее конституционными федералистами, противниками унитарного имперского государства, созданного по сталинскому варианту «автономизации». Их лидер — П. В. Ксенофонтов постоянно акцентировал внимание на несостоятельности мнений об отделении Якутии от СССР. Но в условиях формирования тоталитаризма попытка предложить альтернативный путь развития своей родины оказалась обреченной и только создала повод для расправы со всем поколением национальной беспартийной интеллигенции Якутии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гоголев З. В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917–1941 гг.) Новосибирск, 1972 г. С. 88.
2. IV Всеякутский съезд Советов. Бюллетени. Якутск, 1926 г. С. 17.
3. Платонов И. Трагическая судьба семьи Ксенофонтовых // Ленские маяки. 1997. 3 дек.
4. Вакунов С. Нелюбимое дитя НЭПа // Знание-сила. 1994 г. № 2. С. 106.
5. Ланда Р.Г. Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 67.
6. Антонов Е. П. Конфедералисты: «уйти из-под диктата государства». // Советы Якутии. 1993. 6 мая; Речь П. В. Ксенофонтова, произнесённая

- к повстанческой интеллигенции с разных улусов Якутии (конец 1927 г.) // Илин. 1991. — № 1. С. 19.
7. ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 20, д. 57, л. 265–266.
 8. ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 20, д. 57, л. 265–266.
 9. Архив УФСБ РФ по РС (Я), д. 4207р, л. 125.
 10. ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 3, д. 57, л. 312.
 11. Там же, ф. 181, оп. 1, д. 51, л. 267.
 12. Архив УФСБ РФ по РС (Я), д. 420–1, л. 2,4, 70; Речь П. В. Ксенофонтова.... // Указ. соч. С. 20.
 13. Там же. д. 420–1, л. 461-463.
 14. Ланда Р.Г. Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 61.
 15. Антонов Е. П. Идеи конфедералистов о государственном суверенитете Якутии в 1927–1928 гг. ...С. 33–34; ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 20, д. 57, л. 217–218.
 16. Багдарыын Сулбэ. Холобур буолар олох. // Сахаада. 1992. от ыйын 15 к.
 17. ГАНУ, ф. 1, оп. 2, д. 381, л. 112, 126, 193; ф. 2, оп. 2, д. 32, л. 54
 18. Архив УФСБ РФ по РС (Я), д. 4372р, л. 219.
 19. Там же, д. 420–1, л. 106.
 20. Программа младо-якутской национальной советской социалистической партии середняка-бедняка крестьянства «конфедералистов». // Илин. 1991. № 2. С. 33.
 21. Архив УФСБ РФ по РС (Я), д. 420–1, л. 2.
 22. Речь П. В. Ксенофонтова, произнесённая к повстанческой интеллигенции с разных улусов Якутии...С. 19.
 23. ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 20, д. 57, л. 30.
 24. Там же, оп. 20, д. 40, л. 27.
 25. Там же, оп. 3, д. 856, л. 51.
 26. ГАРФ, ф. 1235, оп. 122, д. 440, л. 27.
 27. Избекова А. А. Победа колхозного строя в ЯАССР. Хабаровск, 1958. С. 104.
 28. Архив УФСБ РФ по РС (Я), д. 420, л. 69; Антонов Е. П. «Колонизация» или «освоение»? // Якутия. 2000. 24 марта.
 29. ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 20, д. 57, л. 126.
 30. Программа младо-якутской национальной... С. 30.
 31. Архив УФСБ РФ по РС (Я), д. 4372р, л. 7.
 32. Там же, л. 450, 453.
 33. Архив УФСБ РФ по РС (Я), д. 420–1, л. 64; ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 20, д. 57, л. 314.
 34. Программа младо-якутской национальной...С. 32.
 35. Филиал НА РС (Я), ф. 3, оп. 20, д. 57, л. 265; Антонов Е. П. «Если мы шли против Соввласти...». // Полярная звезда. 1995. № 2. С. 104
 36. Вакунов С. Указ. соч. С. 106–107.
 37. Антонов Е. П. «...Правда окажется правдой»... // Якутия. 1997. 17 сентября.
 38. Архив УФСБ РФ по РС (Я), д. 420–1, л. 68–69.
 39. Там же, л. 71–73.
 40. Там же, л. 73–74.
 41. Там же, л. д. 4372р, л. 7–8.
 42. ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 20, д. 57, л. 2.
 43. Там же, оп. 3, д. 792, л. 22.

44. Пестерев В. И. Ксенофонтов: герой или бандит? // Молодёжь Якутии. 1992. 30 января.
45. ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 20, л. 94.
46. Там же, д. 57, л. 189.
47. Пестерев В. И. Амга в вихре Гражданской (1921–1927 гг.). Якутск, 1997 г. С.94–96.
48. Он же. Ксенофонтов: герой или бандит? // Молодёжь Якутии. 1992. 30 января, 6 февраля.
49. Алексеев Е. Е. О так называемой «ксенофоновщине» // Илин. 1991. № 2. С. 27–28; Дьячковский И. Еще раз о «ксенофоновщине» (Список осужденных) // Илин. 1992. С. 31.
50. Пестерев В. И. Ксенофонтов: герой или бандит? // Молодёжь Якутии. 1992. 12 февраля.
51. Алексеев Е. Е. Указ. соч. С. 29.
52. ФНА РС (Я), ф. 181, оп. 2, д. 54.
53. Спиридонов И. За десять лет до 37-го // Советы Якутии. 1991. 16 мая.
54. ФНА РС (Я), ф. 3, оп. 20, д. 60, л. 69–71.
55. Аммосов М. К. О болезнях пессимизма в экономике и «левизны» в нацполитике. // Аммосов М. К. С помощью русских рабочих и крестьян. Статьи, речи, воспоминания, письма. Якутск, 1987. С. 188.
56. НА РС (Я), ф. 605, оп. 2, д. 12, л. 102, 147–148, 166, 170.

С.У. Дюйшенбиев

РОЛЬ ИСЛАМА В СТАНОВЛЕНИИ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Известно, что в процессе возникновения и становления государственности заметную, определяющую роль играют различные факторы. К числу таких действенных и мощных факторов способствующие появлению и формированию того или иного государственного образования можно было бы отнести и религию. Но, некоторые ученые скептически отмечают, что вопрос о роли религии в формировании государства очень сложный и его можно рассматривать лишь в плане предположений, опираясь на косвенные свидетельства [Гараджа, 1995, с.126].

Несмотря на подобного рода предостережение, а также заранее предвидя ожидающие нас трудности вытекающие прежде всего, во-первых, из крайней мало изученности этой проблемы; во-вторых, от степени укорененности ислама у кыргызов и др., мы в нашем докладе в меру сил и возможностей попытались рассмотреть и выявить роль ислама в становлении кыргызской государственности.

Как нам представляется, религия обладает многими свойствами и они проявляются в тех или иных социальных функциях, которых она призвана выполнять в человеческом обществе. Одна из таких функций или свойств религии состоит в том, что она способна интегрировать, т.е. объединять, сплачивать различные слои, группы людей, населения под единой идеологии, религиозной доктрины ради достижения общей цели. За примерами далеко ходить не надо, возьмем ислам. Именно ислам стал той базой, основой, идеологией или цементирующим началом создания единого, централизованного Арабского халифата, а также в последующем многих других государств на Востоке. Ислам способствовал объединению разрозненных арабских племен в единое государство. Материалы и факты подтверждающие об этом можно найти у Массэ, Грюнебаума, Беяева, Климовича, Большакова, Еремеева и многих других исследователей истории и теории ислама. В их работах на основе богатого фактического материала раскрывается роль ислама в появлении и становлении Арабского халифата [Массэ, 1982; Грюнебаум, 1988; Беяев, 1966; Климович, 1962; Климович, 1986; Большаков, 1989; Еремеев, 1991].

Применительно роли ислама в становлении кыргызской государственности можно сказать следующее. Справедливости ради надо отметить, что кыргызская государственность имеет давнюю историю и появилась задолго до возникновения ислама. По данным письменных источников, прежде всего китайских, первое упоминание этнонима "кыргыз" (в китайской транскрипции "гяньгунь", другой вариант "гэгунь") встречается еще в III в. до н.э. В частности, в работе отца китайской истории Сыма Цяня "Ши цзы" ("Исторические записки") приводится упомянутый этноним, а также говорится о завоевании гуннами владений кыргызов [Бичурин, 1950, с. 350]. В этом источнике другие сведения о кыргызах отсутствуют, что затрудняет восстанавливать культуру, хозяйственную деятельность, быт и нравы, верования, древнюю историю кыргызов в целом.

Более того, попытки отождествления понятий "владения" и "государство", которое допускается отдельными патриотически настроенными исследователями и политиками очень заманчиво и вряд ли согласуется с объективной действительностью. Поэтому, попутно хотели бы поддержать трезвые, объективные мнения, голоса отдельных исследователей и этот древний или ранний этап развития кыргызской государственности условно назвать "кыргызской протогосударственностью" или легендарным, мифическим периодом [Кожобеков, 2001, с.87-89]. Все сопутствующие признаки государственности у кыргызов явственно выступают начиная с VI в. н. э., т.е. с образования Енисейского каганата. Однако система управления данного государства во многом была заимствована у китайцев [Кычанов, 1991, с. 64-66].

Мусульманизованная система государственного управления или элементы исламского влияния и заимствований встречается начиная с эпохи Караханидов. Подобное произошло во многом благодаря принятию ислама и объявлению его государственной религией каганата. Первым из караханидских правителей принял ислам легендарный Сатук Абд ал-Керим Кара-хан (умер в 955 г.). Дошедшие до наших дней гробница и мечеть на его могиле в Нижнем Артуше, в СУАР КНР, служат местом поклонения мусульман. По данным Ч. Валиханова, который в свое время посетил и описал гробницы Аппак-ходжи, Даниял-ходжи, Абдразык-ходжи и многих других, а также святые места Восточного

Туркестана, гробница и мечеть Сатука Карахана находятся на северо-востоке от Кашгара в 60 верстах (примерно – 63,5 км). Его сын и преемник Муса ибн Сатук (Бай-Таш) в 960 г. объявил ислам государственной религией [Валиханов, 1986, с. 129].

Следует отметить, что сведения о принятии караханидами исламской религии, записанные Ибн ал-Асиром и Джемалом Карши, во многом носят легендарный, мифический характер. Например, согласно Ибн ал-Асиру, принявший первым ислам Шабук (Сатук) Карахакан, увидел во сне человека, который спустился к нему с неба и сказал ему на тюркском языке: "Прими ислам для своего спасения в этом и в будущем мире" [Караев, 1983, с. 96].

В целом приведенная легенда вполне укладывается в рамки существующей в общественной науке гипотезы, что на начальном этапе образования государства важную роль играют "выдающиеся личности" – предводитель или вождь, обладающий харизмой. По мнению М. Вебера харизма нужна для того, чтобы выполнять функции вождя. Авторитет такого харизматического вождя как правило основывается на религиозно-мистической основе. Власть такого вождя в дальнейшем получает легитимность. Иначе говоря, его власть узаконивается посредством мифа, например, удостоверяющего его связь с божественными предками; особого расположения к нему самого пророка; получение откровения или знака от Бога или пророков во сне и т.д. [Гараджа, 1995, с. 126-128].

Известный историк-караханидовед О. Караев отмечал, что в образовании и становлении государственного объединения Караханидов большую роль сыграло принятие ими ислама и обращения населения Центрального Тянь-Шаня в мусульманство. Он вслед за Дж. Гамильтоном утверждает, что династия караханидов возникла и приняла ислам после 943 г., когда родоначальник караханидской династии Сатук Бугра-хан, первым из караханидов приняв ислам, под лозунгом священной войны объединил территории юго-восточной части Центрального Тянь-Шаня с Кашгаром [Караев, 1983, с. 95].

В Караханидском каганате шел процесс консолидации тюркоязычных племен в рамках единого государства под влиянием исламской религии. К сожалению этот процесс был нарушен и прерван татаро-моногольским нашествием.

Но необходимо обратить внимание на такую важную проблему, как наличие самих кыргызских племен в Караханидском каганате. По этому поводу нет единого, однозначного мнения. Например, сторонник идеи перекочевки кыргызов с Енисея на Тянь-Шань с XIII и в последующие века акад. В. Бартольд в связи с этим писал: "Если бы кыргызы жили в Семиречье уже в эпоху Караханидов, то они, несомненно, приняли бы ислам в X или XI вв., между тем они еще в XVI в. считались язычниками" [Бартольд, 1996, с. 219]. Таким образом, он исключил возможность нахождения и проживания кыргызов в составе Караханидского каганата.

Следует отметить, что исследование таких авторов как О. Караев, И. Молдобаев, М. Кожобеков и других доказывает обратное, т.е. кыргызы в указанное время жили в пределах нынешнего Кыргызстана. Наше исследование посвященное проблеме расселения кыргызских племен в период раннего средневековья и в эпоху Караханидов на основе интерпретации и сопоставления сведений анонимного письменного источника X в. "Худуд ал-алама" с данными других источников также позволили сделать вывод о том, что кыргызские племена в то время находились и жили в пределах ныне занимаемой территории [Дюшенбиев, 2002, с. 11-26].

Весьма важным фактом подтверждающий наш вывод о наличии кыргызов в пределах Кыргызстана в эпоху Караханидов является сведения автора XII в. Ал-Марвази, который в своем "Табайи ал-хайаване" сообщил о том, что кыргызы после того как стали соседями мусульман отказались от старого обычая сжигать трупы умерших и перешли на обряд захоронения. Нет никаких сомнений, что сообщение ал-Марвази о смене погребального обряда относится к Тянь-Шанским кыргызам, т.к. у енисейских кыргызов обряд трупосожжения сохранился вплоть до XVIII в. [Дюшенбиев, 2002, с. 14-15].

Причиной смены погребального обряда ал-Марвази, как сказано выше, считает соседство кыргызских племен с мусульманами. Среди принявших ислам наиболее убежденными последователями его учения, по сообщениям источников в XI-XII вв., считались карлуки и ягма. Ал-Марвази помещает кыргызов к востоку от карлуков и ягма. А они в то время обитали в пределах Семиречья и Средней Азии. Соответственно кыргызы могли соприка-

саться с ними только в указанных районах [Дюшенбиев, 2002, с. 14-15].

Как мы выше отмечали, процесс исламизации Центральной Азии, в том числе Кыргызстана, был нарушен и ему нанесен непоправимый урон татаро-монгольским нашествием. Были разрушены дотла многие города и населенные пункты, в том числе религиозные культовые объекты. Но, несмотря на эти трудности и препятствия, процесс исламизации кыргызов получает дальнейшее развитие во время и после монгольского нашествия.

Влияние ислама усиливается со второй половины XIV в., когда хан Моголистана Туглук-Тимур принял ислам. В конце XIV – начале XV вв. (в 1343 г.) в Моголистане ислам был объявлен государственной религией. Преемники Туглук-Тимура носили мусульманские имена. О. Караев на основе данных Махмуда ибн Вали пишет, что как и караханид Сатук Абд-ал-Керим Бугра-хан, Туглук Тимур под лозунгом ислама решил расширить и укрепить свою власть. Он в 24-летнем возрасте принял ислам, вслед за этим объявил его государственной религией, причем насаждал ислам среди подданных насильственным путем. Мухаммед Хайдер и Абу-л Гази сообщают о принятии новой религии в один день 160 тысячами человек. Однако ислам не имел здесь такого успеха, как в Караханидском каганате. Хотя население Моголистана было знакомо с исламом с X в. (вполне возможно, что некоторые роды и племена были даже мусульманами), но большая их часть оставалась язычниками [Караев, 1995, с. 46, 50]. В Моголистане ислам распространен и принят в основном среди оседлого населения и городов. В большинстве своем кочевое население Семиречья и Тянь-Шаня оставались язычниками. Что касается кыргызов, в XIV-XV вв. их значительная часть жила в составе Моголистана, населяя его труднодоступные горно-лесные районы. Из могольских племен в состав кыргызов входили племена барин, дуглат (дуулат), кушчи (кушчу), керейт, канглы (канды), баркы (баргы), монгол, меркит (меркин), булгаачы и другие [Хайдар Дулати, 1999, с. 10].

Мухаммед Хайдар подчеркивает резкую обособленность кыргызов от других племен Моголистана, например, тем что, они не приняли ислама, а поход Султан Саида против кыргызов и первое пленение Мухаммед-Кыргыза в 1517 году он преподносит как борьбу с "неверными" кыргызами, грабившими мусульман сосед-

них стран [Хайдар Дулати, 1999, с. 10]. В "Тарих-и Рашиди" говорится, что Султан Саид учинил над кыргызами "то же, что они над мусульманами, и даже больше того, что с ними делали кыргызы" [Хайдар Дулати, 1999, с. 10]. Мухаммед Хайдар ослабление и распад Моголистана объясняет частым трением, не подчинением свободолюбивых кыргызов моголам, а также непринятием ислама кыргызами. По этому поводу он писал: "Хотя кыргызы тоже из могольских племен, но по причине частого неповиновения хаканам, они отделились от моголов. Все моголы стали мусульманами и вошли в число последователей ислама, а кыргызы, как прежде, остались (во власти) неверия. По этой причине они отделились от моголов. Следствием этого явилось то, что моголы теперь стали самыми отдаленными и самыми малочисленными созданиями" [Туманович, 19, с. 98; Караев, 1995, с. 45-46]. Эти факты показывают, что основная масса кыргызских племен, несмотря на объявление ислама государственной религией и принятых усилий со стороны могольских правителей, все же не была затронута исламизацией.

Историки-кыргызоведы отмечают, что в составе Моголистана шел заключительный этап процесса формирования кыргызской народности, завершившегося во 2-ой половине XV – начале XVI вв. на базе "ассимиляционного взаимодействия и контактов" кыргызов с местной этнической средой, в составе которой были древнейшие восточно-иранские слои, древнетюркские племена и упомянутые выше могольские этнические группы [Туманович, 19, с. 98; Караев, 1995, с. 45-46].

Утверждать, что ислам играл важную интегрирующую функцию в этом процессе было бы не совсем верным. Но, при этом с полным на то основанием можно сказать, что более близкое, тесное знакомство основной массы кыргызских племен с исламом произошло именно в составе Моголистана. Они волею судеб стали свидетелями массового обращения соседних, сопредельных племен мусульманами. Вместе с тем, как уже отмечено выше нашими историками, нельзя исключать наличие мусульман и мусульманских племен среди кыргызов, в том числе и собственно кыргызов мусульман.

Следует отметить, что позднее было предпринято немало попыток использовать ислам для создания государственности в Кыргызстане, пусть даже на теократической основе со стороны

небезызвестного Пулат-хана во время правления Кокандского ханства, Мадали-ишана (Дукчи) в **1898** г. а также в **1916** г.

Таким образом на основе написанного можно сделать следующие выводы. Кыргызы в силу многих объективных и субъективных причин глубоко не усвоили основы исламской религии. Несмотря на это в разные периоды истории Кыргызстана, в частности в эпоху Караханидов, в Могольском государстве ислам сыграл значительную роль в общественно-политической жизни общества. Именно в эти периоды ислам был объявлен государственной религией и способствовал формированию и становлению государственности, которую впоследствии унаследовали кыргызы.

Использованная литература:

Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Л., **1971**

Бартольд В.В. Кыргызы. Исторический очерк // Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, **1996**

Бейшембиев Э.Д., Джунушалиев Дж.Дж., Мокрынин В.М., Плоских В.М. Введение в историю кыргызской государственности. - Бишкек, **1994**

Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в ранние средневековье. – М., **1966**

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. – М-Л., **1950**

Большаков О.Г. История халифата. Ислам в Аравии. 570-633. – М., **1989**

Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в **1858-1859** гг. // Избранные произведения. – М., **1986**

Гараджа В.И. Социология религии. – М., **1995**

Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. Очерк истории. **600-1258**. – М., **1988**

Дюшенбиев С.У. К вопросу расселения кыргызских племен по "Худуд ал-аламу" (IX-XII вв.) // Вопросы востоковедения и востоковедного образования. Вып.1. – Бишкек, **2002**

Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М., **1991**

История Кыргызской ССР. – Т.1. – Фрунзе, **1984**

Караев О. История Караханидского каганата. – Фрунзе, **1983**

Караев О. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. – Бишкек, **1995**

Климович Л.И. Ислам. – М., **1962**

Климович Л.И. Книга о Коране его происхождении и мифологии. – М., **1986**

Кожобеков М.Ч. Кыргыз мамлекеттуулугунун маселелери // Байыркы кыргыз тарыхынын актуалдуу проблемалары. "Кыргыз этнонимине **2200** жыл. Тезистер. – Бишкек, **2001**

Кычанов Е.И. Аппарат управления у енисейских кыргызов (по китайским сведениям) // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии: Тезисы докладов и сообщений... – Бишкек, **1991**

Массэ А. Ислам. Очерк истории. – М., **1982**

Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. (Рашидова история) / Введение, перевод с персидского языка
А.Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Елифановой. – 2-е изд., дополн. – Алматы, **1999**

II

СОВРЕМЕННЫЙ ТЮРКСКИЙ МИР: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

СОВРЕМЕННЫЙ ТЮРКСКИЙ МИР: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

В первом выпуске «Воронежского тюркологического сборника» мы публикуем текст известного в тюркском мире России и за ее пределами мыслителя, историка и писателя Мурада Аджи. Надеемся, что и в следующих выпусках нашего издания читатели смогут ознакомиться с текстами господина Мурада Аджи и других тюркских мыслителей. Современная тюркская публицистика, в том числе и работы М. Аджи, несмотря на всю их противоречивость и неоднозначность, ценнейшее введение в интеллектуальный мир тюрков.

Мурад АДЖИ **МЫ ГОВОРИЛИ НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ** *(Эссе о русском языке)*

Интерес к истории не спадает в разных краях бывшего СССР. Об этом сужу хотя бы по своим книгам: который уж год они бестселлеры, что, конечно же, приятно автору. Правда, те, кто сжился с «официальной» историей, их принимают с недоверием, но все равно читают: влечет суть построений, а она проста и понятна. Я утверждаю, история России началась не в IX веке, не с мольбы славян «приходите княжить и владеть нами», а еще до Великого переселения народов, у истока стояли жители Древнего Алтая, наши предки, создавшие великую степную державу Дешт-и-Кипчак и утвердившие ее власть от Байкала до Атлантики. Им платили дань Западная Римская империя, Византия, Китай (факт, уже говорящий о многом).

Тот древний народ известен под разными именами: гунны, готы, кипчаки, половцы, печенеги, тюрки, германцы... более тридцати имен. И все правильные! Ведь имя жило столько, сколько лет находилась у власти правящая верхушка, орда. Потом его меняли. В том были особенность степной «этнографии» и кажущаяся многоликость степного народа.

Скажем, о германцах я пишу: «они строили такие же города, как другие степняки, иначе и не умели. Один из них – Кале, по-тюркски – «крепость», «город», «укрепленное место». Но поражает не это, немцы единственные в мире, кто в силу врожденного упрямства сберег имя Дешт-и-Кипчак в своей топонимике. В их

Deutsch отзвук далекого тюркского оригинала». Спорно? Вовсе нет. В Средневековье страну германцев так и звали Гунния, там правили каганы тюркского мира – Гогенштауфены.

Или: «степняки дали миру Единобожие – веру в Бога Единого, принесли религию на Средний Восток, в Индию, Северную Африку, в Европу». Скажите, а это совпадает с тем, что мы знаем из «официальной» истории?.. К сожалению, искажение прошлого теперь традиция, более двухсот университетов Европы давно во власти иезуитов, там свет правды преобразуют во мрак невежества... И с этим тоже не поспорить, доказываю я в своих книгах.

Вот, например, сейчас, в Год русского языка, уместно спросить: на каком языке мы с вами говорим, уважаемые читатели? Предупреждаю, ответ не столь очевиден, как кажется поначалу. Да, язык все назовут русским, а так ли это? В X веке русским языком считали язык скандинавов, потому что их звали русами – их, жителей Швеции, что следует хотя бы из «Бертинских анналов», из очень авторитетного документа той эпохи!

Факты упрямы. Но они факты.

Оказывается, с 372 года Восточная Европа была областью Дешт-и-Кипчака, или Великой Степи, и говорила она по-тюркски. Не по-русски. О том известно мировой науке, но нам в школе не сказали и слова правды, хотя сохранились письменные памятники тех лет, которые не исчезли, нет, они – вехи Великого переселения народов. Их сознательно не замечают.

Сохранились и люди – носители древних языковых традиций. Также не исчезли. Целые народы. Чуваши, казаки, татары, башкиры, гагаузы, гуцулы и другие, но о них мы знаем как об отрывке татаро-монгольского ига. А это неправильно – жить с искаженными знаниями, тогда и реальность видишь искаженной, враждебной.

Замечу, на языке Великой Степи в IV веке заговорила едва ли вся Европа, потому что степняки подчинили ее себе. По крайней мере, последним римским императором был сын духовника Атиллы, тюрк. Новая аристократия Европы была из степняков. Да что аристократия... После Великого переселения народов каждый второй европеец считался из «варваров», на это указывают все демографические сценарии и древнеанглийский, древнефранцузский, древнегерманский язык. Они «написаны» алтайским руническим письмом! Одинаковые. И такими сохранились в истории.

Это, конечно, можно не замечать, но нельзя скрыть.

Главенство культуры степняков в Европе продолжалось вплоть до инквизиции, которую в XIII веке начала Римская церковь. Черное открыли время. На кострах Европа сжигала свою память, а с ней – библиотеки, людей... Но, освобождаясь от степного наследия, назвала его по-тюркски же – «ересь» (буквально, «то, что следует отвергнуть»). Иначе и не смогла.

В XVI веке рука инквизиция дотянулась до Московской Руси, в Риме ту политику называли **Missio Moscovitica**, Третий Рим. То была смерть Великой Степи, смерть вольного народа! В российских историях ее имя – Смута. Государственный переворот, до сих пор не осмысленный русским обществом. А случилась трагедия национального масштаба – убили целый народ.

Иезуиты Смутой извели законную власть Рюриковичей, создав вакуум правления, привели на престол Романовых, своих ставленников (вот откуда их **Roman**). Больше того, учинили церковный раскол, расправу над старой верой и аристократией, тогда степняков, единый некогда народ, разделили на русских и татар, о чем я достаточно ясно написал в книге «Азиатская Европа».

Западу удалось-таки закабалить Великую Степь.

План **Missio Moscovitica** удался... Перестраивая на свой лад Московскую Русь (вернее, уже Россию!), иезуиты создали москвитам новый язык, чтобы те скорее забыли свое прошлое. Вот почему мы не знаем языка Ивана Грозного и его современников, не читаем книг из их библиотек, которые вовсе не исчезли – их просто разучились читать.

Новый язык нарекли «славенска диалект» или «говор», для Москвы то был чужой язык. Сполна пригодился опыт создания «славенска» диалектов для Болгарии, Украины (Киевской Руси), Польши, Чехии и других, прежде тюркских стран. Иезуит Лаврентий Зизаний был автором тех темных дел. Потом ему очень помог Мелентий Смотрицкий, его учебник «Грмматика словенския правильное сынтагма», написанный в 1618 году, в самый разгар Смуты, он был принят новой московской властью...

Обращаю внимание, читатель, на хитрость: учебнику дали тюркское название, иного не поняли бы тогда в Москве! Слово «грма» значило «ломание, или превращение уродливого в красивое», то есть «добиваться единства звука и слова». И другое слово, «сынтагма», тюркское – перевод «прикрепление составной час-

ти», то есть «соединение слов» в нашем случае. Факт, открывающий глаза на многое.

Оппонентам советую его тихо проглотить, как глотают горькое лекарство, и уж не утверждать, будто эти слова греческие. Не надо.

В греческом языке более половины слов тюркские. С VII века стало так! С указа императора Юстиниана, который в VI веке ввел в обиход греко-варварский язык как официальный язык Византии. Это известный факт греческого языкознания... Зная его, понимаешь, что не случайны ссылки на якобы греческое начало едва ли не каждого второго русского слова, хотя, казалось бы, – где греки, а где Москва. Но все имеет свое объяснение.

Когда в Москве уладили теоретические вопросы, встал вопрос о письменности – о буквах. И их привезли из Западной Европы, в 1708 году случилось это. Тогда русские увидели свою «древнюю» письменность, позже названную кириллицей. Иезуиты же ее называли тогда не кириллицей, а новоизобретенные русские литеры. На свой, латинский манер... Это тоже документальный факт.

Наконец, были готовы грамматика, словарь, буквы, и приступили к составлению разговорной речи. Задача не из легких. Дело повел Василий Кириллович Тредиаковский, католик из Астрахани, выпускник Сорбонны, будущий академик. Это он, выступив в 1726 году на заседании Российской Академии наук с докладом о новом языке для славянской России, образно говоря, из тюркского слова «языгъ» сделал русское «язык».

Тогда публика впервые услышала звучание «великого и могучего русского языка»... И хоть криком кричи, было именно так! Вот почему Тредиаковский – первый русский поэт, автор первого романа, первой оды. Все очень просто, придумал язык и написал на нем.

Двуязычие отличало Россию в XVIII веке. Стране понадобился почти век после Тредиаковского, чтобы зазвучал голос другого славянского поэта, Александра Пушкина, который первым сумел так написать хорошие стихи по-русски. Между этими поэтами стояли Державин, Жуковский, они сочиняли по-тюркски, потому что иного литературного языка в пору их учебы и молодости не было, и переводили стихи на русский язык.

Вспомните, «Я пел, пою и петъ их буду, и в шутках правду возвещу, татарски песни из-под спуду, как луч, потомству сооб-

щу...» – это Державин. Его стихи – своеобразный авторский перевод на чужой для него русский язык, отсюда видимая «неуклюжесть» стиха, кажущаяся «неотесанность».

...Славянский диалект, как кукушонок, сноровисто выталкивал тюркскую речь из московского гнезда. Для его внедрения открыли церковно-приходские школы, гимназии, университет, академию. Все силы собрали в кулак, чтобы в угоду Западу вытолкать родной язык из России, сделать его забытым, а заодно забытой историю Великой Степи и Московской Руси.

В 1735 году увидела свет книжечка Третьяковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», а точнее – как писать стихи на русском языке. Она поныне хранится в Российской Государственной библиотеке, посмотреть ее может любой. Вот самые первые стихотворные строки славянской России, огласили их в том же 1726 году:

*Весна катит
Зиму валит.
И уж листик с древом шумит.
Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички.*

С этих строк и началась русская поэзия, то ранние звуки музыки ее золотого века... Вторым по счету русским поэтом России стал Антиох Кантемир, его литературная манера иная, третьим был Ломоносов с его мучительными для слуха одами... И вот тут-то возникает очень щекотливый вопрос: как же «Слово о полку Игореве»? «Древнерусский» литературный памятник? Если он написан в XII веке, то, вроде бы, должен быть на шведском языке. Или, по крайней мере, на тюркском. Третьего не дано.

Настоящая коллизия случилась со «Словом...», неразрешимое противоречие. О том кто только не спорил, кто не увещевал. И что?

Исследователи, люди с амбициями, действуют по простейшей схеме, как правило, они ищут ошибки переписчиков в тексте поэмы и исправляют их по своему разумению. Из непонятого текста выуживают вроде бы понятный, как им кажется, набор звуков и связывают их в слова, слова – во фразы. Не зная языка поэмы, ее переводят, ищут и ищут смысл. И «находят», конечно. Отсюда добрая сотня переводов с русского на русский, что являет собой пример абсурда. Отсюда вседозволенность, с которой переставля-

ли и дописывали фразы, буквы к словам текста. Лишние изымали.

А разве так переводят поэмы?

Иные переводчики «растекались мыслию по древу». Не конфузась. И никто не спросил, была ли древнерусская поэзия? Не поинтересовался, почему поэма написана по правилам тюркской поэтики? Не усомнился, что, если там нет «ошибок переписчиков»? А есть хороший тюркский литературный язык?.. Отсюда эта обманчивая узнаваемость.

Тюркская литература – тайна российской истории, ею бы гордиться, а ее после Смуты старательно скрывают. Хотя известно, книги в Великой Степи были, и они очень ценились, их берегли, собирали в библиотеки, что отмечали заезжие иностранцы. Однако кто уже помнит о том?

Чтобы убедиться в правоте этих слов, я привел в своей книге «Тюрки и мир: сокровенная история» пример перевода иных строк «Слова...». Ни одной лишней буквы в тексте поэмы не обнаружил. Все на своем месте.

В русском языке, действительно, с половину слов тюркские или выведенные из тюркского корня. Их тысячи: чугун, булат, деньга, изба, дума, аршин, сажень, икона, монастырь, алтарь, казна, корона, совет, арка, армяк, кафтан, папаха, шуба, епанча, жулик, карандаш, сарай, кирпич, очаг, утюг, товарищ, суп, щи, каша, колбаса, язык... Любая область жизни. Равно как любая географическая зона России содержит тюркские топонимы и гидронимы: Орел, Тула, Тамбов, Саратов, Челябинск, Тюмень и сотни других. Дон, Волга, Ока, Урал, Иртыш, Обь, Енисей, Амур.

Даже само название Русь тюркское слово... Спорно? Отнюдь.

Дешт-и-Кипчак был федерацией свободных земель, административное деление России стало едва ли не полной ее копией, но названное иначе: улус – уездом, ханство – губернией. И столица оказалась в новом месте – в Москве. Но внутренние границы Великой Степи изменились мало. Иные на том же самом месте ныне!

Теперь спросим себя, на каком языке говорил народ новой страны? Допустим, на русском. И никаких иезуитских новаций не было... Но известно, вера, законы, традиции, одежда, меры длины и весов были и остались одинаковыми: какие в Великой Степи,

такие и в России. Аршин, сажень, фут (пут), верста, берковец, гарнец и другие... Русские слова? Вроде бы.

Однако что означают они? Вразумительно не объяснит никто из русских.

А с древнетюркского языка эти ходовые слова переводятся лучше некуда: аршин – дословно «отделяй тело» («ар» – отделяй, «шин» – тело), то есть длина только вытянутой руки. Сажень (вернее, сашин) – «считай тело», мера длины вытянутой руки вместе с телом. Пут (нога) – длина ступни (между прочим, отсюда – путин, то есть по-русски «путник»). И так далее, и так далее. Все очень просто. Сложно и быть не могло. Таковы меры длины, понятные народу.

Теперь возьмем деньги. Алтын – старинная русская монета, утверждает словарь. Ой, ли? Москва узнала о деньгах от Орды, первые русские рубли, они были отрубленными (отсюда – рубль!) кусочками серебряной проволоки. У древних же тюрков, когда еще не было Руси, алтын – «золото, золотая монета» – уже был. Между прочим, и «копейка» у них тогда означала мелочь (дословно «перхоть»). И слова «казна», «таможня», «товар» знавала Великая Степь. «Червонец» звучал там как «ширван».

Теперь – еда. Начнем с русской поговорки: «Щи да каша – пища наша». Уточню: «щи» (по-тюркски «ачи») – кислый суп, «да» означает «и», а «каша» – от степного «кашик» (дословно, «то, что едят ложкой»). Колбаса – «колбас» (иначе говоря, «дави рукой» – так набивают колбасу), гуляш (кул аш) – пища для простолюдинов. Пирог (от «борик») – завернутый, йогурт – сквашенное молоко... Десятки блюд. Замечу, эти блюда были известны Аттиле. Равно как пельмени (дословно, «насыть меня», здесь своя игра слов).

Не менее выразительны примеры со старинной русской одеждой, они вообще убийственны, все из Степи. Штаны, карман, шапка, колпак, кафтан, башлык, сапог, каблук, армяк, шуба, тулуп и много других. Каждое слово имеет перевод, объяснение и показывает особенность тюркского языкознания. Термин, как правило, складывался из двух или нескольких слов, означающих действие. Не просто действие, а то, что ведет к появлению этого предмета.

Еще точнее топонимика, она – характеристика местности или водоема. Например, Ока – дословно «река с течением». Таруса – «сужение реки». Орел – «дорога на подъем»...

Вот вам и вопрос, а все ли так уж неизвестно в российском языкознании?

Возьмешь в руки Древнетюркский словарь, и иное тайное становится явным. Понимаешь, что «белиберда» означает «испорченное знание», а слово «зги» в выражении «ни зги не видно» переводится «следочек» (изги). Мразь – по-тюркски «поденщик, батрак». Идиома «навешали всех собак» с собаками не связана, «собак» по-тюркски «цепи и оковы». «Сидорова коза» понимает не Сидора, а козу, шкуру которой пустят на ремни (сыдыр)... И так далее. Сколько же всего открывается непонятного прежде.

Соблазнительно, но не спрошу: на каком языке мы с вами говорим? Знаю, пока на разных. Но, может быть, читатель, недовольный моим эссе, ответит на вопрос, почему в XIX веке русские писатели многие слова писали и понимали совершенно по-разному? Что, язык не сложился? Или причина иная? А почему вдруг в «древней» кириллице тогда появилась новая буква «Ё»?

Не свидетельствует ли то о младом возрасте русского языка, который начался все-таки с XVIII века? Что если, прав Е. Баратынский, утверждая:

Предрассудок! Он обломок
Древней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.
Гонит в нем наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.

Впрочем, возможно, и не нужны возражения, галерея портретов убедит самых стойких оппонентов лучше слов. Могу ее привести, здесь будут Аксаков, Баратынский, Кантемир, Бунин, Гоголь, Пушкин, Кутузов, Карамзин, Тургенев, Чаадаев, Лев Толстой, Третьяковский, Тютчев, конечно, сами Романовы... Тут вообще не о чем спорить. Едва ли не вся русская аристократия (более трехсот фамилий!) – турки по родословной.

Они и есть наши предки, гордость России. Забытое культурное наследие Великой Степи.

III

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.В. Бартольд

КИРГИЗСКОЕ ВЕЛИКОДЕРЖАВИЕ

Завоевание Монголии киргизами представляет редкий в истории Средней Азии пример завоевательного движения с запада на восток; почти все движения происходили в обратном направлении. По-видимому, киргизский хан не сделал своей столицей города уйгурского кагана на Орхоне; после своей победы он только перешел "на южную сторону гор Лао-шань" или Ду-мань, в 15 днях конной езды отбывшей столицы уйгуров; вероятно, имеются в виду горы Танну-Ола. Из военных предприятий киргизов известен только поход, в числе 70000 воинов, на юг от песчаной степи, причем хан после победы возвратился обратно на северную сторону, уведя с собою часть уйгуров.

В противоположность уйгурам и их предшественникам огузам, часто нападавшим на Китай, киргизские ханы с самого начала старались установить дружественные отношения с династией Тан. При взятии уйгурской столицы они нашли там китайскую царевну Тайхо и под охраной конвоя отправили ее обратно в Китай; конвой подвергся нападению со стороны уйгурского кагана Уге, которым была захвачена и царевна, освобожденная из уйгурского плена только в 843 г. Мы видели, что киргизский каган, как потомок китайца Лилина, считал себя родственником династии Тан, происходившей из той же семьи Ли. Китайские императоры сначала были склонны признать новых родственников; но потом императора Сюань-цзуна (847-859) убедили, что "Хягас есть небольшой род, который не в состоянии равняться с домом Тан". Вопрос был предложен на решение коллегии высших чиновников; коллегия решила, что "уйгурам давались грамоты во время их могущества; к счастью, они теперь упали, и для устранения будущих беспокойств не для чего усиливать киргиз". Несмотря на такое неблагоприятное решение, сношения киргиз с Китаем продолжались; в царствование следующего императора И-цзуна (860—873) было три киргизских посольства. Победитель уйгуров умер еще в 847 году, т.е. в том же году, как его главный враг Уге; в Тан-шу приводится имя и титул его ближайшего преемника, но

никаких других сведений ни о нем, ни о следующих киргизских ханах не сообщается.

Вообще китайские известия о Средней Азии в эпоху киргизского великодержавия крайне скудны. Известия Тан-шу о киргизах, кроме упомянутых переводов, собраны в статье В. Шотта "**Uber die achten Kirgizen**" (1865); в этих известиях дается описание страны и народа, но не сообщается никаких сведений по истории киргиз после 847 г. Более широкое распространение среди специалистов получил труд Клапрота "**Tableaux historiques de l'Asie**" (1826); Шотт относится к этой книге довольно отрицательно и доказывает, что ею во многих случаях был введен в заблуждение знаменитый географ Риттер в своем монументальном труде по географии мира ("**Erdrunde**"). Влияние книги Клапрота, через посредство труда Риттера, проявляется и в исторических главах известной книги Радлова "**Aus Sibirien**" (1884; второе издание, 1893, включает в себе перепечатку первого без всяких изменений). Кроме китайцев, известия о Средней Азии в IX и X вв. сообщают и мусульманские авторы. Самое подробное описание путей через Среднюю Азию, в том числе и пути к киргизам, дает писавший по более ранним источникам персидский автор XI в. Гардизи, рассказ которого был издан и переведен мною в 1897 г. в моем "Отчете о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893—1894 гг.". Из новейших ученых трудов, где рассматриваются мусульманские известия о Средней Азии, в том числе о киргизах, особенного внимания заслуживают труды Маркварта, особенно его труд (1914 г.) о народности команов (половцев). Достоинства и недостатки этого труда я постарался отметить в своей рецензии, напечатанной в Русском Историческом журнале, кн. VII (1921).

О сношениях между киргизами и мусульманами говорят и китайцы, по словам которых киргизское государство было всегда в дружественных связях с Даши (таджиками, как тогда называли арабов), Туфанью (тибетцами) и Гэ-ло-лу (карлуками). Из страны арабов к киргизам каждые три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных узорчатыми (по переводу Шотта: вышитыми золотом) шелковыми тканями; иногда число верблюдов доходило до 24. По-видимому, в Тан-шу не сказано, какими путями шел караван. У Клапрота к арабскому каравану отнесено то, что сказано в Тан-Шу о тибетцах: боясь грабежей со стороны уйгуров, тибетцы шли в страну карлуков и ждали там провожатых;

по толкованию Иакинфа, этот конвой доставляли им карлуки, по толкованию Шотта - сами киргизы.

Из слов о дружбе киргиз с арабами, тибетцами и карлуками можно заключить, что киргизы даже в эпоху своего великодержавия мало вмешивались в происходившие в западной части Средней Азии войны. Возможно, что некоторое время врагами их оставались уйгуры, захватившие в промежуток времени между **860** и **873** гг. часть нынешнего Китайского Туркестана с городами Кара-Ходжа (около современного Турфана) и Бишбалык (у китайцев Бэй-тин, около современного Гучена). Предшественниками их здесь в **VIII** в. были другие турецкие народности, сначала басмылы, потом турки-огузы, которых арабы называли тугуз-гузами (по-турецки токузогуз, по делению огузов на девять родов), китайцы - Шато (по названию пустыни, где они некоторое время жили). В **794** г. эта область была завоевана тибетцами, и населявшие ее турки в начале **IX** в. были оттеснены в пределы собственно Китая; уйгуры, таким образом, уже застали здесь не турок, а тибетцев. Арабы, по-видимому, ознакомившись с этой местностью еще в то время, когда она принадлежала огузам, не знали о последующих переменах и потому продолжали называть местное население тугузгузами; только Махмуд Кашгарский в **XI** в., едва ли не единственный из писавших на арабском языке авторов, имевший возможность говорить о Средней Азии не по книгам, а на основании личного знакомства со страной, вместо "тугузгуз" везде пишет "уйгур". После борьбы между уйгурами и огузами в Монголии в состав уйгуров вошла часть огузского народа; уйгурский хан середины **VIII** в., надпись которого издал Рамстедт, называл себя государем он-уйгуров (десяти уйгуров) и токуз-огузов (девяти огузов), хотя и уйгуры, по китайским известиям, разделялись на девять родов, и писавший в монгольский период историк Рашид-ад-дин рядом с он-уйгурами знает и токуз-уйгуров. Во всяком случае, изданная Рамстедтом надпись показывает, что уйгурский хан, как и следовало ожидать, прежде всего чувствовал себя государем своего уйгурского народа; если бы арабы впервые познакомились с восточной частью Китайского Туркестана только в то время, когда там уже жили уйгуры, то в арабскую географическую литературу вошло бы название "уйгур", а не название "тугузгуз".

Вследствие этого иногда бывает трудно решить, какие из арабских известий о тугузгузах относятся к уйгурам и какие - к их предшественникам, как вообще трудно приурочить те или другие сведения о Средней Азии, находящиеся в мусульманской географической литературе, к определенному хронологическому моменту. Мусульманские географы черпали свои сведения из книг, большей частью не называя своих источников и не предупреждая читателя, что ему говорят не о том, что есть теперь, а о том, что было когда-то, иногда на несколько веков раньше. Это относится, конечно, и к тем известиям, в которых упоминаются киргизы (арабские и персидские авторы этого времени пишут хирхиз, как вообще буквой х в то время передавали турецкое гортанное к; писали, например, харлук, у персидских авторов харлукх, вместо карлук). Если нам достоверно известно, в каком году написано данное сочинение, это несколько не разъясняет вопроса, к какому времени относятся сообщаемые в нем факты.

Кроме писавшего в XI в. Гардизи, интересные сведения сообщает анонимный труд, также на персидском языке, "Границы мира" (Худуд-ал-алем), написанный в 372 г. хиджры, т. е. в 982 или 983 г. н. э. Это сочинение дошло до нас только в одной рукописи, найденной в Бухаре в 1892 г. для покойного А.Г. Туманского, вследствие чего самый труд упоминается в русской научной литературе обыкновенно под названием "рукопись Туманского". По этому источнику, киргизы были не только северными, но и западными соседями тугузгузов. Тот же автор говорит о городе Пенчуле (произношение не вполне установлено; в китайской транскрипции Вынь-су; по местоположению соответствует нынешнему Уч-Турфану), что он находился в области карлуков; его владетель прежде был в зависимости от тугузгузов, а "теперь" этим городом владеют киргизы. Арабы вообще говорят о войнах между тугузгузами и карлуками, что прежде перевес был на стороне тугузгузов, а потом, когда тугузгузы приняли манихейство (возможно, что эта религия была принята в восточной части Китайского Туркестана раньше, чем уйгурами в Монголии), успех перешел на сторону карлуков. Однако, из рукописи Туманского можно заключить, что тугузгузы отняли у карлуков часть их владений; народу Ягма, вышедшему из среды тугузгузов, принадлежали Кашгар и часть Семиречья (Джетысуйской области) к югу от

Нарына. О Кашгаре говорится, что здесь была граница между областью народа Ягма, киргизами, тибетцами и Китаем.

Известия рукописи Туманского о границах между среднеазиатскими народами не вполне отчетливы, в главе о киргизах говорится, что соседями их на юге, кроме тугузгузов, была часть карлуков, но в главе о карлуках (харлух) киргизы среди соседей этого народа не упоминаются. Зато киргизы названы среди соседей двух других семиреченских народностей чигилей и тухсийцев; чигили жили на северном берегу Иссык-Куля, тухсийцы, составлявшие часть тюргешей (другой ветвью тюргешей были упомянутые выше азы), - в долине реки Чу.

Из всего этого можно заключить, что киргизы в эпоху своего великодержавия несколько расширили свои владения в сторону юго-запада; но о том, когда и как это произошло, источники не дают никаких сведений; слово "теперь" в рукописи Туманского во всяком случае заимствовано из более раннего источника и не может быть отнесено к времени автора, когда киргизы уже утратили свое кратковременное могущество. Вообще ничего не говорится об отношениях между киргизами и другими народами. По Тан-шу к киргизам привозились ткани не только от арабов, но также из Кучи и Бэй-тина, т.е. Бишбалыка, принадлежавшего уйгурам; из этого можно заключить, что и с уйгурами было достигнуто соглашение. На это же указывает приведенный выше, со слов Гардизи, маршрут, из области "тугузгузов" до ставки киргизского кагана на Енисее, в 7 днях пути к северу от гор Кегмен, или Саянского хребта. Это - единственный путь к киргизам, описанный в мусульманской литературе; вообще арабы знали киргиз только как северных соседей тугузгузов и отчасти карлуков и как народ, живший на крайнем северо-востоке; по представлению арабов, владения киргиз доходили на востоке до океана.

Из областей ислама было два пути в степь, на северо-восток, один от низовьев Сыр-Дарьи, другой от Таласа (ныне Аулие-Ата); оба пути вели в область народа кимаков, центром которой была местность к северу от Иртыша. Кимаки, западные соседи киргиз, остались совершенно неизвестны китайцам и впервые упоминаются только в мусульманской литературе. Был ли торговый путь из страны кимаков в страну киргиз, как продолжение пути из областей ислама к кимакам, и каковы вообще были отношения между этими двумя народами, совершенно неизвестно. Подобно

киргизам, кимаки были по языку турками; об одной местности в стране кимаков в рукописи Туманского сказано, что там люди следуют киргизским обычаям. По-видимому, кимаки раньше киргиз утратили политическое единство, хотя в рукописи Туманского упоминается каган (арабские и персидские авторы всегда пишут хаган) кимаков и хотя глава рано отделившейся от главной массы народа западной ветви кимаков, кипчаков, считался вассалом кимацкого царя. В XI в., при Махмуде Кашгарском, кимаков больше не было; на Иртыше тогда жил народ Иемек, упоминаемый у Гардизи, подобно кипчакам, среди кимацких родов. Известно, что кипчаки впоследствии, не составляя политического целого, дали свое название степям западной части Туркестана и юго-восточной части России; в послемонгольский период те же кипчаки составили ядро казахского народа, которому в XVIII в. калмыки (ойраты) и русские ошибочно присвоили название "киргиз". Нет указаний на то, чтобы распадению кипчаков способствовали их восточные соседи.

По рукописи Туманского, из страны киргиз вывозилось много мускуса и мехов (о киргизском мускусе говорят и другие источники), также березовое дерево (вероятно, кора) и рог хуту, употреблявшийся для выделки рукояток ножей; как доказывают теперь, имеются в виду привозившиеся с отдаленного севера клыки моржей и нарвалов. Киргизский царь назывался киргиз-хаганом (каганом). По описанию того же автора, киргизы по нравам несколько походят на диких зверей: наружность у них грубая, мало волос; нет справедливости, мало милосердия. Они отличаются воинственностью; со всеми соседями у них война и вражда. У них есть повозки (или лодки), бараны, коровы и лошади; они кочуют ища воды, травы, (благоприятной) погоды и лугов. Они почитают огонь и сжигают мертвых, живут в палатках и шатрах, занимаются охотой. Есть народ Фури, также из киргиз, к востоку от них; они с другими киргизами не смешиваются; они людоеды, безжалостные; языка их другие киргизы не понимают; они подобны диким зверям. Город, где живет киргизский хаган, называется Кемиджет. Есть народ Кесим, из киргиз, в горах; у них есть шатры; они добывают меха, мускус, хуту и тому подобное. Есть другой народ из киргиз, язык которого ближе к языку карлуков, а одежда сходна с одеждой кимаков. Ни у одной ветви киргиз нет совсем

ни деревень, ни городов; все они живут в шатрах, за исключением того места, где живет хахан.

В этом тексте киргизы являются гораздо более диким народом, чем в Тан-шу; китайские сведения в этом случае, по видимому, более достоверны. Особенно бросается в глаза различие между словами китайцев о мирных сношениях киргиз с другими народами и словами персидского автора о войне со всеми соседями. Подтверждается китайцами известие о сжигании мертвых; китайцы, сверх того, говорят, что через год кости, оставшиеся после сожжения трупа, зарывались в землю. О сожжении мертвых Гардизи прибавляет, что, по мнению киргиз, огонь был самой чистой стихией и уничтожал всякую нечистоту; так и мертвый очищался огнем от грязи и греха. В отличие от других киргиз, народ Фури уносил своих мертвецов в горы и оставлял их на деревьях, пока они не разлагались. Что касается названия единственного киргизского города или поселения, то китайская транскрипция этого названия (у Иакинфа Мидичжы, у Шотта Мидичжита) заставляет предполагать в персидском тексте чтение Микиджкет (последний слог - иранское слово, часто прибавляемое к названию городов и селений, напр., Ахсикет, Пенджикет и т.п.).

В более благоприятном свете изображает жизнь киргиз автор X в. Абу-Дулеф. Сведения о киргизах входят в состав описания путешествия этого автора, несомненно фантастического; в нем много географических несообразностей, и посетить народы в том порядке, в каком он их описывает, Абу-Дулеф не мог. Очень вероятно, что он их вообще не посещал и в качестве виденного им самим приводит сведения, заимствованные из книг, но среди его источников могли быть и достоверные. О киргизах говорится, что они едят просо, рис и всякое мясо, кроме верблюжьего; у них есть дом богослужения и свое письмо; они отличаются благоразумием и осмотрительностью; не гасят светильника и дают ему погаснуть самому. У них есть мерная речь, которой они пользуются во время молитвы. Есть мускус. Есть три годовых праздника. Их знамена зеленые. Во время молитвы они обращаются к югу. Из планет почитают Сатурн и Венеру; на Марс смотрят, как на звезду, предвещающую дурное. Много хищных зверей. Есть камень, светящийся по ночам, так что они обходятся без освещения; из этого камня выделяются вещи только у них. Их царь заботится об их благо-

состоянии, и они ему повинуются; в его присутствии может сидеть только человек старше сорока лет.

В этом рассказе любопытно упоминание о киргизском письме, о котором говорится и в Тан-Шу, где сказано, что у киргиз "письмо и язык совершенно сходны с уйгурскими". Речь идет не о том алфавите, который в это время только начинал распространяться среди уйгуров и впоследствии был заимствован монголами, но о более древних письменах, ключ к чтению которых мог быть найден благодаря открытию орхонских надписей. Что тот же алфавит был известен киргизам, видно из многочисленных надписей в бассейне Енисея, ставших известными науке гораздо раньше, чем орхонские, но разобранных только благодаря открытию исторических орхонских надписей, впервые давших науке материал, "на основании которого можно было приступить к разбору загадочных письмен". Попытку дать перевод енисейских надписей сделал Радлов. Надписи почти все надгробные; исторических сведений в них нет, слово "кыргыз" в них не встречается; только потому, что, по историческим сведениям, на Енисее жили киргизы, Радлов полагает, что надписи большей частью принадлежат им.

Замечательно, что ни в одной надписи нет даты, хотя бы по эре животного цикла, хотя в Тан-Шу именно о киргизах говорится, что у них года составляют двенадцатилетний цикл и обозначаются названиями животных; на этом основании Абель-Ремюза в 1820 году самое изобретение животного цикла был склонен приписать киргизам. Формы букв указывают на более древний период, чем время орхонских надписей; поэтому Радлов был склонен относить енисейские надписи к VII веку, преимущественно ко второй его половине. В одной надписи говорится, что покойный в возрасте семи лет отправился к китайскому императору; по мнению Радлова, это не могло произойти раньше 648 г., когда, по Тан-Шу, было отправлено первое киргизское посольство в Китай. Еще более сомнительно утверждение С. Е. Малова (в докладе на туркологическом съезде в Баку 28 февраля 1926 г.), что енисейские памятники "датируются даже двумя-тремя столетиями раньше орхоно-селенгинских".

Как всякие надгробные эпитафии, енисейские надписи дают некоторый материал для суждения о понятиях и верованиях народа; но научное использование этого материала едва ли воз-

можно до появления в свет нового, исправленного издания текста и перевода. По религии киргизы несомненно были шаманистами, и к этой религии относятся слова Абу-Дулефа о молитвах и мерной речи. Для обозначения шаманов у киргиз, как и у других турок, было слово "кам"; в енисейских надписях (как и в орхонских) этого слова нет, но оно приводится в Тан-Шу, в рассказе о киргизах. Замечательно, что, несмотря на торговые сношения с буддистами (тибетцами) и мусульманами, нет никаких известий о каком-либо успехе среди киргиз буддийской или мусульманской пропаганды.

Из товаров, вывозившихся из страны киргиз, наиболее ценился в мусульманских странах, по-видимому, мускус. На торговле этим товаром, как и другими предметами вывоз из стран Дальнего Востока, могло отражаться соперничество морской торговли с сухопутной; развитие морской торговли должно было в этом отношении причинить ущерб киргизам. Известно, что в настоящее время мускус вывозится преимущественно морем из гаваней Китая, особенно из Шанхая. В X в. географ Ибн-Хаукаль говорит, что лучший по цене и качеству мускус привозился из Тибета и из области киргиз, очевидно, сухим путем; но уже более ранний (писавший в 891 г.) географ Якуби, ставя выше всего тибетский мускус (киргизский им не упоминается), после него согдийский (в местности по Заряфшану) и только на третьем месте китайский, прибавляет к этому, что лучший сорт китайского мускуса вывозился из гавани Ханфу (Кантон). Мускус упоминается потом среди товаров привозившихся из Китая в Аден.

Независимо от внешней торговли, у киргиз было свое металлическое производство, может быть, унаследованное от живших некогда на Енисее народов прежней, бронзовой культуры, которых до сих пор не удается приурочить ни к определенному этнографическому типу, ни к определенному хронологическому периоду. Киргизам, по-видимому, давно было известно железо; в Тан-Шу сказано, что киргизы выдвигали из железа королеве оружие, которым прежде уплачивали дань туркам; железо называлось у них кя-са (**Kja-sa**). Шотт сближает это слово с самоедскими словами **kues**, **vese**, **jesea**, но указывает также на возможность родства с алтайским **jus** "медь" и команским (половецким) **jas** "желтая медь". Для решения вопроса об ознакомлении киргиз и вообще турок с металлами было бы необходимо более подробное

сопоставление относящихся к этому вопросу лингвистических данных. Радлов, в согласии с местным народным преданием, приписывает киргизам могилы на Абакане и Енисее, в которых им были найдены предметы позднего железного века.

По степени своего культурного развития киргизы, несомненно, стояли гораздо выше своих северных и восточных соседей, о которых мы находим некоторые сведения в китайских и мусульманских источниках. Выше были приведены сведения рукописи Туманского о жившем к востоку от киргиз народе Фури, в которых этот народ обвиняется даже в людоедстве. Некоторые подробности о Фури и об отношениях между ними и киргизами сообщаются у Гардизи, по словам которого от ставки киргизского хана до области народа Фури было три месяца пути. Фури описываются, как дикие люди, живущие в болотах; если их вывести оттуда, они походят на рыб, вытасненных из воды. Если кто-нибудь из них попадает в плен к киргизам, он отказывается от пищи и пользуется каждым случаем, чтобы убежать.

В некоторых других источниках к востоку от киргиз помещаются народы Кун и Кай (или Кайи), причем, однако, вместо Кун, встречается и чтение Кури; очень возможно, что это те же Фури (буквы "к" и "ф" в арабском алфавите легко смешиваются). Сопоставление с китайскими источниками заставляет отдать предпочтение чтению Кури. Мы видели, что в Тан-Шу и в орхонских надписях упоминается народ Курыкан, живший, по Тан-Шу, у Байкала; в более позднем китайском сочинении (Юань-ши, истории монголов) около Ангары помещается народ Ку-ли; тот же народ упоминается у писавшего в начале XIV в. персидского историка Рашид-ад-дина в местности у Байкала, под названием Кури. Есть известие, у автора начала XIII в. Ауфи, что народ Кури (или Кун) подвергся нападению со стороны своего восточного соседа, народа Кай, и потому передвинулся на запад, где потеснил другие народы; среди этих народов киргизы не упоминаются, и весь рассказ Ауфи, которому придает большое значение Маркварт (по мнению Маркварта, с этим движением связан упомянутый выше факт распада кимаков), мало подтверждается другими источниками.

Несомненно легендарный характер имеет не лишенный, однако, интереса рассказ того же Ауфи о путешествии одного киргиза вниз по Енисею с целью узнать, куда впадает река. По рас-

сказу Ауфи, в стране киргиз соединяются в одну реку четыре реки; после соединения их река течет во мраке, среди гор и пещер. Киргиз пустился вниз по реке на небольшом судне; в продолжение трех суток он не видел света звезд, месяца и солнца; наконец, он прибыл на широкую равнину и вышел из судна. Услышав звук копыт лошадей, он влез на дерево и ждал, кто придет; явились трое всадников очень высокого роста (их рост сравнивается с длиной копья) с собаками, не уступавшими по величине коровам. Увидев киргиза, они сжалились над ним, предложили ему спуститься с дерева и посадили его к себе на одного из коней, чтобы его не растерзали собаки; потом привели его к себе в палатку и накормили, причем удивлялись его малому росту, как будто никогда не видали таких людей; наконец, они показали ему дорогу, как ему вернуться к себе домой; никто не знал, кто они и из какого народа. По поводу этого рассказа можно напомнить, что Енисей имеет характер горной реки до Минусинска и снова от границы Ачинского уезда до Красноярска.

Не прошло и ста лет после поражения уйгуров и начала киргизского великодержавия, как этому великодержавию пришел конец. В начале X в. первенство в восточной части Средней Азии перешло к кытаям, народу монгольского происхождения, уже в течение нескольких веков принимавшему участие в событиях политической жизни; уже в VII в. кытай входили в состав коалиции, составившейся против восстановленного каганства турок-огузов, и должны были напасть на общего врага с востока. Теперь предводитель кытаев (его имя в китайской транскрипции А-бао-чжи, или **Араоки**) овладел частью северного Китая, в 917 г. принял китайский императорский титул и основал новую династию Ляо. Кытай никогда не владели всей "Срединной империей", а только северной ее частью; тем не менее их имя, в разных переделках, употреблялось многими народами, от Монголии до Индии и до Западной Европы, для обозначения древней культурной державы Дальнего Востока; отсюда же русское "Китай".

Основатель династии Ляо не только завоевал некоторые культурные области Китая, но в 924 г. совершил поход в Монголию, посетил развалины прежней уйгурской столицы на Орхоне, осмотрел камни с надписями бывших каганов и сам поставил новый памятник (не сохранившийся). Очевидно, этому должна была предшествовать победа над киргизами, хотя прямых известий

о такой победе в источниках до сих пор приведенных в известность, по-видимому, нет. Стремление восстановить в Монголии порядки, бывшие до киргизского великодержавия, видно в предложении, сделанном уйгурскому владельцу города Гань-чжоу - вернуться в прежние уйгурские владения на Орхоне. Уйгурский владелец будто бы ответил, что со времени ухода уйгуров из Монголии прошло десять поколений, что было бы сильно преувеличено; в действительности со времени победы киргиз над уйгурами прошло только **80** лет, т. е. меньше трех поколений; но и этого срока было достаточно, чтобы уйгуры успели привыкнуть на своей новой родине к земледельческой и городской жизни и не пожелали вернуться в кочевья Монголии.

В книге Радлова сказано, что киргизский хан вернулся в свою прежнюю ставку на Енисее только в **970** г.; это известие через посредство Риттера заимствовано у Клапрота (где явная опечатка или описка: **670**); Шотт в своих источниках этой даты, по-видимому, не нашел, и неизвестно, откуда взял ее Клапрот. Рассказ о походе кытаев на Орхон в **924** г. заставляет сомневаться в том, чтобы киргизы могли держаться в Монголии или хотя бы в части ее до **970** г.

Киргизы были последним турецким народом, господствовавшим в Монголии; после их поражения Монголия приобрела тот этнографический характер, который она сохранила до сих пор. Сделанное уйгурам предложение показывает, что у кытаев не было сознательного стремления вытеснить из Монголии турок и отдать их земли своим родичам - монголам; но после отказа уйгуров другого турецкого народа, который мог бы поселиться в Монголии, больше не было, и отсутствием турок воспользовались народы монгольского происхождения. Очень вероятно, что монголами были и восточные соседи киргиз, народ Фури (или Кури); на это указывают слова рукописи Туманского, что язык "Фури" был для других киргиз непонятен. Некоторые сведения о народах, говоривших не по-турецки, сообщает и Махмуд Кашгарский; к сожалению, эти сведения не вполне отчетливы, и признаков личного знакомства со странами отдаленного северо-востока в них не заметно. Махмуд Кашгарский справедливо причисляет киргиз к народам, говорившим на чисто турецких наречиях, но помещает их на крайнем северо-востоке; не-турецкие народы, кайи и татары, жили, по его словам, западнее; в то же время, однако, гово-

рится, что татары жили в местности Утугэн, как называлась горная цепь, постоянно упоминаемая в орхонских надписях (по представлению автора надписей, это была настоящая родина турок) и, по-видимому, соответствующая Хангаю. Что в XI в. здесь жили татары (так еще при Чингиз-хане и после всегда называли нынешних монголов), яснее всего свидетельствует о происшедших со времени орхонских надписей переменах в составе населения. Более точные данные о распределении народов мы имеем только для конца XII и начала XIII вв., т.е. для эпохи выступления Чингиз-хана. В это время даже в верховьях Енисея, непосредственно к югу от киргиз, жил народ монгольского происхождения, ойраты, язык которых только диалектически отличался от языка монголов Чингиз-хана. Есть китайское известие, что от "Ойра до Кэргисы", т.е., вероятно, от центра области ойратов до южной границы области киргиз, считалось пять переездов. Насколько здесь смешивались оба языка, турецкий и монгольский, видно из слов Рашид-ад-дина, что составлявшие верховья Енисея реки назывались Секиз мурен "восемь рек"; к монгольскому слову "мурен" (река) приставлено турецкое числительное. Теперь в этой местности, как известно, живут турки, хотя и находящиеся под сильным монгольским влиянием; среди названий речек и на современной карте есть монгольские; одно из них Ебе-усу, приводится уже у Рашид-ад-дина.

Несмотря на кратковременность киргизского господства в Монголии, память о киргизах сохранилась у монголов до сих пор, может быть именно потому, что киргизы были последним народом, жившим и господствовавшим в Монголии до занятия этой страны монголами. "Киргизскими" называются древние могилы на всем пространстве западной Монголии почти до Орхона, в том числе и те, которые в действительности принадлежат не киргизам, а их предшественникам - уйгурам и другим. Рамстедт упоминает о таких "киргизских" могилах между Селенгой и Орхоном, близ памятника с надписью, где говорится о царствовании одного из уйгурских каганов VIII века.

Л. ВЕЛИЧКО

РЕАКЦИЯ И ОППОЗИЦИЯ В ТУРЦИИ

(По данным политических процессов)

В течение **1925** и первой половины **1926** годов в Турции прошел перед судами независимости—Днгорским и Диарбекским—ряд крупных политических процессов. Для наблюдателя политической жизни современной Турции все эти процессы, начиная от процесса мятежных курдских шейхов и до последних двух процессов смирнских заговорщиков и иттихадистов, дают богатый материал, позволяющий заглянуть в наиболее скрытые области политической жизни страны: в подпольные оппозиционные течения.

Проследить по данным, вскрывавшимся на публичных заседаниях судов независимости, истоки и направление враждебных кемализму течений турецкой жизни и составляет задачу настоящей краткой статьи.

Начнем с характеристики материала, иначе говоря, с характеристики процессов, рассмотренных судами. Наиболее яркими и важными с точки зрения оценки движущих сил оппозиции были:

1. Процесс шейха Сайда и шестидесяти курдских шейхов и беков, судившихся вместе с ним в Диарбекире в начале **1925** года и ряд связанных с ним курдских процессов.

2. Процесс так называемых, агентов Дистоля — султанистской организации, наладившей свою агентуру в стране, пристроив ряд своих приверженцев коммивояжерами в швейцарскую фирму „Дистол“, торгующую зубо­врачебными препаратами (весною **1925** г.).

3. Процесс константинопольской султанистской и халифатской организации, носившей характер полусветского, полурелигиозного тайного общества, тесно связанного с рядом духовных орденов: дервишами, накишбенди и др. (летом **1915** года).

4. Процессы, заслушанные частью в Днгоре, большею же частью на местах, в связи с „фесочным“ восстанием в восточных вилайетах (зима **1925/26** г.).

5. Процесс лидеров оппозиции, обвинявшихся в участии в заговоре на жизнь Гази-Мустафа-Кемаль-паши (Смирна, **1926** г.).

6. Процесс иттихадистов (младотурок), судившихся в Днгоре летом **1926**.

7. Процесс журналистов, особенно первый процесс редактора-издателя „Танина“ Гуссейн-Джахида.

В сотнях страниц обвинительных актов, показаний на суде свидетелей и обвиняемых, документов, оглашенных на суде,

красней нитью проходит иностранное участие во всех этих вскрытых судом попытках низвержения кемализма. Докажем это по указанному выше порядку процессов.

Курдскому восстанию конца 1924 года предшествовало незначительное на первый взгляд событие: нападение вооруженной банды на конвой, сопровождавший нескольких арестованных по подозрению в организации заговора офицеров одного из курдских аширетов (нерегулярных кавалерийских полков). Офицеры были отбиты и бежали в... Ирак. Эти же офицеры через несколько недель оказались главными военными организаторами мятежа. С другой стороны, судом была установлена связь повстанцев с курдскими эмигрантскими комитетами в Леппо и Париже и с известным курдским сенатором султанских времен Дбдул-Кадыром, главой созданного во время оккупации в Стамбуле курдского комитета, проводившего англофильские тенденции.

Заговоры, вскрытые процессами иттилафистов (султанистов) и мохалифистов (приверженцев халифа), еще с большею наглядностью проявили связь турецкой реакции с иностранными влияниями. Так, на суде была оглашена переписка одного из руководителей „дистольщиков" (как окрестила молва участников султанистского заговора) с смирнским агентом группы, где давались подробные инструкции, как наладить „весьма нужную и полезную" связь с местным консульством одного из государств Днтанты. Были обнаружены прямые нити от стамбульских заговорщиков к эмигрантскому турецкому Кобленцу—Сан-Ремо, где проживает низвергнутый и бежавший при английской помощи бывший султан Вахадэд-дин. Процессы выяснили отчасти и тайны этого белотурецкого гнезда, приютившегося под крылышком итальянского фашизма. При крайне таинственных условиях, например, был убит на вилле султана его врач Решид, которого бело-турки заподозрили в „измене". Турецкий Кобленц в Сан-Ремо во многом уподобляется русскому монархическому Кобленцу—те же потайные связи с внутренними контр-революционерами, та же продажа „на корню" родины, якобы чающей реставрации, то же использование контр-революционной мелкоты для „работы на местах", чтобы оправдать более или менее щедрое покровительство иностранных империалистов.

В несколько иной плоскости, но не менее ясно, сказалось иностранное влияние и в процессах печати, и в процессах оформлен-

ной „республиканской" оппозиции. Здесь это влияние выявилось, главным образом, в некоторых красочных и типичных фигурах „идейных" противников кемализма.

Редактор „Танина" — Гуссейн-Джахид... Блестящий „европеец", владеющий в совершенстве французским, английским и немецким языками. Любимец „европейской" колонии Константинополя, вылощенный, изящный, светский, остроумный и т. д. и т. д. По существу—типичнейший идеолог портовой буржуазии, хищнических компрадорских верхушек ее, живших и стремящихся снова бойко и роскошно зажить за счет посредничества между иностранным капиталом, „возродителем Турции", и внутренним турецким рынком, подлежащим такого рода „возрождению".

Обвиняемый по смирнскому процессу и по ангорскому процессу иттихадистов - Ланан-бей. Видный в прошлом младотурок. Видный еще недавно деятель правого крыла народной партии. Впоследствии ушел в оппозицию и докатился до... суда независимости. Европейски образованный врач. Сторонник „западной ориентации". Представитель того течения общественной мысли, которое грезит английским парламентаризмом, как формой сдержки революционных факторов. Представитель того довольно обширного слоя турецкой буржуазии, которая противопоставляет Стамбул Ангоре. В экономическом разрезе его идеология совпадает с более выраженной и менее затуманенной „парламентаризмом" идеологией Гуссейн-Джахида.

Наконец, типичен участник смирнского процесса депутат оппозиционер Бекир-Сами-бей. Бывший министр иностранных дел. Дипломат. В прошлом и настоящем „ликвидатор". Яркий представитель отчаивающихся государственных деятелей, впадающих в панику при виде трудностей и препятствий, постоянно и неизбежно сопровождающих борьбу кемалистов за политическую и экономическую независимость Турции. Этот оппозиционер 1925—26 годов, в сущности, определился вполне во время Версальского конгресса, когда он проявил свое неверие в революционную силу английского движения, выдвинув проект американского мандата. Этот эпизод тесно связывает его в исторической перспективе с деятелями типа Лднана, усиленно проводившими в свое время концессию Честера, по существу также устанавливавшую „американский мандат" в виде гарантии турецкого суверенитета заинтересованностью американского капитала.

Таким образом, политические процессы доказали попытки просачивания в турецкую политическую жизнь через подземные потоки реакции иностранного империалистического влияния, стремившегося взорвать изнутри турецкую независимость.

Было бы грубой ошибкой полагать, что иностранные интриги, поскольку они вскрыты публичными заседаниями суда, выражались в подкупе, вообще в использовании личной заинтересованности заговорщиков разных типов. Бывало и это." У курдских шейхов найдено было иностранное золото. Но в общем и целом дело велось тоньше и потому представляло большую опасность.

Империализм стремился использовать не столько личную, сколько классовую заинтересованность реакционных и оппозиционных кругов.

Во взаимодействии противоположительственных факторов иностранный капитал не играл роли непосредственного участника, а использовал то обстоятельство, что политические группировки современной Турции сложились в значительной степени под влиянием различия в отношении к иностранному капиталу.

Кемализм в свое время сделал попытку слить воедино в каком-то идеалистическом „**Bürgerfrieden**“ все противоположные экономические интересы социальных групп нации. Этой попыткой был Смирнский экономический конгресс. Предполагалось устроить как-то так, чтобы и портовая буржуазия, заинтересованная в эксплуатации внутреннего крестьянского рынка иностранным импортом, и внутренняя буржуазия, заинтересованная в росте внутреннего товарооборота, и крестьянство, и рабочие—все „работали на пользу нации“, включая в это „священное единение“ даже курдских феодалов.

Конечно, мечта оказалась беспочвенной и кемализм, сделал из неудачного опыта, как всегда, решительные выводы. Ставку на „вся и всех“ сменила систематическая работа по подведению под народную партию основной социальной базы—крестьянства и внутренней буржуазии. Отсюда и возник разрыв между кемализмом и портовой буржуазией. Отсюда развился целительный процесс в народной партии, отбросившей в оппозицию свое правое крыло. Отсюда выяснилось и углубилось программное и фактическое противоположение „анатолийского“ кемализма портовому — в наиболее ярком выражении стамбулийскому—иттихадизму.

Компрадорская природа портовой буржуазии тянула ее к политическому угодничеству перед иностранным капиталом и сталкивала ее с „идеологических высот" в заговорщицкое подполье, толкала к союзу с монархической и клерикальной реакцией, только бы разрушить препятствие-ангорский правительственный блок, сливший крестьянство и мелкую и среднюю буржуазию Днатолии для экономической самозащиты и возрождения страны.

Эту картину и проявили политические процессы указанных 18 месяцев. Вокруг парламентской, а затем нелегальной оппозиции—кристаллизация всех „недовольных" и в общей пестрой массе заговорщиков общая объединенная вражда к режиму, не дающему ходу политическим поползновениям иностранного капитала, а потому суживающему пределы его деятельности и бьющему по карману посредническую буржуазию. Часть ее представителей в реставрации, часть в „парламентарном" режиме, но все в низвержении кемализма наметили путь к „восстановлению" своего классового благополучия.

Общая классовая ненависть связала полудикого фанатика-феодала шейха Сайда с блестящим баловнем дипломатических и банковских салонов Гуссейн-Джахидом. И тут и там сыграл роль иностранный империализм. Разница в оттенках. Но как один фунт стерлингов не отличается от другого фунта, хотя бы один лежал в раздушенном портмоне, а другой в засаленном кармане, так и социальные основы всех указанных заговоров аналогичны.

IV

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ТЮРКОЛОГИИ
(*Sakha Studies* в российской тюркологии
1990-х годов)

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ТЮРКОЛОГИИ (*Sakha Studies* в российской тюркологии 1990-х годов)

Марианна БУРЦЕВА

ЯКУТЫ И ДРУГИЕ НАРОДЫ СИБИРИ ГЛАЗАМИ РУС- СКИХ АВТОРОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Любому народу небезразлично, как его оценивают со стороны, такие представления влияют и на его собственную самооценку. Можно заметить, что сведения такого рода в исторической проекции носят чисто познавательный характер. На мой взгляд, тут никакие аналогии с современностью недопустимы. Этот момент хотелось бы подчеркнуть особо для того, чтобы избежать недоразумений и сознательной спекуляции по поводу приводимых материалов. Стереотипные представления о национальных особенностях тех или иных народов всегда обусловлены конкретно-исторической ситуацией, а также крайними степенями относительности (качества конкретного народа оцениваются в сравнении с другими народами) и субъективизма (взгляд на другой народ определяется критериями своей культуры и, таким образом, система ценностей одной культуры автоматически переносится на другую. Такого рода суждения, как выясняется на практике, характеризуют в первую очередь, не того, о ком идет речь, а того, кто оценивает: его амбиции или, напротив, комплексы, а также реальное отношение во взаимодействии народов). По сравнению с рассматриваемым периодом сегодня налицо коренное изменение всей культурно-демографической ситуации. То, что относится к прошлому, интересно сейчас как накопленный опыт и требует соответствующего осмысления, строгого и выверенного подхода. Актуальное значение широкого опубликования исторического материала состоит, на мой взгляд, в исправлении зачастую искаженных представлений именно о прошлом, дополнении осознания именно исторического "вчера". Этому, в некоторой степени, посвящается данная статья. Все подобного рода факты, несомненно влияющие на национальное самосознание, как только они входят в широкий оборот, должны (хотя это и не всегда бывает так, как желательно) служить трезвой здоровой оценке места и роли своего народа в историческом процессе и общечело-

веческой культуре, лишенной, по возможности, как самовосхваления, так и самоуничижения.

Теперь об основных, на мой взгляд, императивах, определяющих масштаб и направленность критериев авторов в оценке качеств сибирских народов. В рассматриваемой литературе налицо жестко заданные рамки масштабов сравнения, ограниченные Сибирью (сюда включается пашенное и казачье население, главным образом, как отдельная этнографическая группа русских). Авторы не являются уроженцами края и находятся в Якутии временно (отсюда взгляд "объективного", стороннего наблюдателя: исследователя, путешественника, писателя - "описателя"). Предполагается определенный культурный статус авторов: университетское или, как минимум, гимназическое (классически-европейское) образование, занимаемое (или бывшее в прошлом) достаточно высокое место в социальной иерархии Российской империи (отсюда взгляд как бы "свысока", стремление к обобщению, приобщению "отдаленного" региона и население его к собственному уровню, который расценивается как, если не высший, то безусловно эталонный).

Можно сказать, что в русской сибиреведческой (научной и научно-популярной) литературе с XVIII по начало XX в. были созданы "литературные" образы Якута, Тунгуса, Бурята, наделяемые якобы индивидуальными чертами (отличающими один народ от другого). Они (образы) уходят корнями в устные представления (Как пример: "Находчивость якута вошла в поговорку. В Сибири говорят: возьми якута, раздень его догола, и так оставь среди пустынной степи, когда же через год вернешься, то увидишь этого якута окруженного скирдами хлеба, стогами сена и владеющего табунами лошадей и стадами рогатого скота."), но подкрепляются заключениями на основе непосредственных впечатлений, а в дальнейшем проходят уже собственно литературную обработку, переходя от одного автора к другому и, приобретая, тем самым, устойчивость. Это персонажи явно искусственного происхождения (как всякие обобщенные характеристики), но они имеют реальных противников в лице конкретных народов и их культур.

В хронологическом порядке первым из рассматриваемых авторов является участник Северо-Восточной экспедиции 1785-1795 гг. И.Биллингс. Вот что он писал о бурятах: "... вид человека мол-

чаливого, но смелого; расположение тела слабое и сухощавое, а народ весьма неприятный"; об якутах: "В обычаях своих якуты сходятствуют с другими сибирскими народами, но природный разум в них замечается острее во многих случаях. Например, они в намерениях своих не так легкомысленны, как другие; стараются разуместь хорошенько, что им сказывают, и узнать всякую вещь, как она действительно существует. Они вникают в склонность и главные страсти тех людей, с которыми они имеют дело, и приискивают способы, как бы приобрести себе их благосклонность".

Наиболее яркими и подробными чертами "психологического" портрета якута и тунгуса (которые во многом повлияли на последующих авторов) мы обязаны участнику Академической экспедиции **1843-1844** гг. А.Ф.Миддендорфу, который уделил достаточно много места "разнице в природенных способностях разных народов" в своем труде. Вот что он пишет об эвенках (тунгусах): "Чрезвычайно красиво их приличие в движениях, открытый характер их. Хотя они были очень услужливы, но, несмотря на скромность, во всем видно было, что они сознавали свое достоинство. Это высказывалось и наружно, в том отношении, что одежда их была в большом порядке, красиво обшита и такого покроя, который обрисовывал стройную, осанистую, но вместе с тем и ловкую фигуру их. ... Это положительно горный народ, пробуждающий в нас воспоминания об особенностях обитателей наших европейских альпов. Они обладают известной выправкой, исполнены приличия, ловки, предприимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, а вместе с тем закалены физически.

Если мы хотим продолжить сравнение с европейскими горными народами, то мы должны отправляться в Альпы дальше на запад, чтобы встретиться с беззаботной удалью тунгуса, который в своей первобытности, главным образом, хлебосол, любитель удовольствий и ветренник"¹. Об якутах: "Между сибирскими туземцами этот народ занимает такое важное место, что ему следовало бы посвятить обширное самостоятельное сочинение... Такое сочинение могло быть названо действительной потребностью тем более, что до самого последнего времени писатели отчасти с выражением удивления упоминают о поразительных будто бы странностях кочевой жизни якутов, частью распространяют даже

¹ Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири

совершенно ложные известия о характере якутского народа, и в некоторых, недавно появившихся статьях присоединяют якутов к числу тех сибирских народов, которые обречены на неизбежную гибель.

Если мы затем обратимся к характеристике умственных особенностей якутов, то прежде всего нас поражает необыкновенная склонность и превосходная способность к торговле. В этом отношении невольно является сравнение с иудейским народом, и мы готовы бы были назвать их жидами северо-восточной Азии, если бы они в весьма многих отношениях не отличались значительно от жидов другими, не менее характеристичными особенностями... Точнее охарактеризовать бытие его я считаю себя обязанным потому, что этот народ бесспорно не может быть причислен к исчезающим. Во-первых, он с начала этого столетия, несмотря на все препятствия, размножился почти вдвое, т.е. состоит из с лишком из ста тысяч душ, а во-вторых, несмотря на указанное мною сильное физическое омонголение, ассимиляционная сила этого татарского смешанного народа так велика, что, при некоторых благоприятных условиях, он оякучивает даже русских поселенцев, главным образом, конечно, по части языка, образа мыслей и направления склонностей. ... Умение якутов легко принаравливаться ко всем условиям посещаемых ими народов исключило почти всякую конкуренцию, даже русскую, т.к. требовалось пробраться в потаенное захолустье народа, живущего особняком, и обратиться с ним в тунгуса. ... Как ловкие люди, якутские торговцы всегда были у местных властей на довольно хорошем счету. ... По подвижности, сметливости и ловкому знанию людей они не уступают евреям, по части же хитрости иной якут, может быть, еще перещеголяет еврея. Но у якута нет той благодатной особенности довольствоваться малым и той бережливости, которыми обладает еврей; а это много значит.

Якут в состоянии подвизаться с любым кочевником: в необыкновенной сдержанности, когда этого требует необходимость; в умении терпеливо, даже весело, переносить ужаснейшие невзгоды, которым его подвергают климат и первобытная природа; в самой напряженной деятельности, когда приходится преодолевать тысячи разных трудностей и опасностей, которые ему противопоставляет суровый первобытный характер неприятных гор. Он не страшится никакой опасности.

Но заглядывающая вдаль бережливость, забота о запасе, о дальнем будущем, продолжительные хлопоты, не вызванные одною лишь неотвратимую необходимостью, ему совершенно чужды. Он главным образом человек, живущий настоящим и для наслаждения. ... Лентяйничанье, бездельничанье, кутежи и легкое наживание денег посредством охоты и торговли, привели якутов к карточной игре. . . . На кутежи и удовольствия уходил весь огромный барыш от меховой торговли. .. Если мы покинем торговый район якутов и заглянем в главные места их пребывания, то мы поймем, что случай, который им предоставился для развития торгового духа, имел на них не благотворное, а деморализующее влияние....

Государству, имеющему в виду развить доставшийся ему бесконечно обширный Сибирский край, должны быть особенно дороги свойства оседлого рода, задатки которого также имеются в этом даровитом народе. Эти-то свойства несомненно ставят якута, умеющего справлять тяжелую и продолжительную работу, гораздо выше еврея, с которым у него, кроме торгового духа и способности к торговле, одинаковая степень ловкости в рукодельных работах, равно как наклонность и способность к самым разнообразным ремеслам. ... Потребуйте, что хотите, якут все смастерит: чайник ли, или более сложный самовар, или винтовку с нарезным дулом и замком. ... Что бы он ни вырезал, во всем у него будет особый шик.... Везде проглядывает своеобразность. ... При значительной инициативе и ассимиляционной силе якутов, ... этот даровитый народ обладает такою необыкновенною способностью принаравливаться к естественным условиям и к обычаям других стран и других народов, что в этом отношении он составляет полнейшую противоположность к неподвижному национальному характеру евреев, которые везде так долго остаются одними и теми же. Среди первобытных порядков тунгусских или самоедских, якут в самое короткое время становится тунгусом или самоедом, но не останавливается на этом превращении или не погрязает в нем, а напротив вскоре в этом новом своем качестве начинает превосходить других. Железное, закаленное тело позволяет ему браться за любую работу в новой его обстановке, а превосходство его изворотливого, живого ума вскоре возвышает его над приютившими его, он в скором времени начинает эксплуатировать их. Являясь среди русских, он вскоре приучается, возвышает-

ся до их уровня, затем, благодаря своему знанию людей и хитрости, быстро подмечает их слабости и тотчас же ловко приравнивается к новым условиям. Как только он подпадает под гнет чиновного взяточничества, так он с замечательною быстротою осваивается со всею грязью официального буржуазного прикывательства и надувательства, знакомится с тонкостями разных формальностей и делового хода, эксплуатирует взяточничество и, под самолюбивым руководством своих наследственно посвященных во все это наставников, становится одним из самых отъявленных кляузников и крючкотворов. Немало удивился я, когда тунгус в дебрях Станового хребта стал спрашивать моего совета, хорошо ли составлена бережно припрятанная бумага, которую он предъявил. Это было прошение, написанное для тунгуса якутом г. Якутска среди Амурского края, обращенное ни к кому иному, как прямо к министру государственных имуществ, в лежащей за 10 тысяч верст столице, и начинавшееся словами: "С тех пор, как якуты имеют счастье находиться под скипетром Руссаго" и т.д. Отсюда видно, что якуты несправедливо подведены под приуровненные к детскому состоянию особые законы, изданные для кочующих народов, а могли, а даже должны бы быть подчинены общим узаконениям государства.

Упомянутые нами способности поддерживаются таким терпением, что мы встречаем якутов во главе как земледелия, так и скотоводства Северной Сибири. Им удалось даже пробраться за предел успешного развития этих двух отраслей промышленности, еще дальше к северу, и везде их дела идут хорошо. С присущим ему "государственным подходом" А.Ф.Миддендорф был озабочен судьбой и эвенков: "Если тунгусы своевременно не будут направлены на единственный для них путь спасения (а он едва ли более будет открыт для них, когда мясные и пушные животные исчезнут еще больше прежнего), т.е. на занятие скотоводством, в особенности же на разведение северных оленей, то они, несмотря на замечательные природные дарования, ... обречены на погибель."

В несколько ином плане о якутах писал Н.С.Щукин, бывавший в г. Якутске "по службе": "Якуты народ хитрый, пронырливый и коварный, злопамятны и мстительны. Многие утверждают, что рабство довело их до такого состояния; что сами русские поступками своими сделали из якутов обманщиков и плутов. Но почему же буряты, тунгусы и другие народы до сих пор сохраняют

чистоту своих нравов? Почему до сих пор бурят не разламывает в Иркутске по ночам амбаров, лавок и проч., тогда как в Якутске редкая ночь проходит без подобных происшествий, которых виновники всегда якуты. Правда, в прежние времена они много терпели от русских, но не то ли было с бурятами.

Ябедничество и жалобы столь обыкновенны между якутами, что составляют предмет общего разговора. Лениность их чрезвычайна, а гордость князцов выходит из пределов. ... Страсть к воровству и картежной игре повальна; плут и мошенник почитается человеком умным. ... С хорошей стороны о якутах разве то можно сказать, что они чрезвычайно переимчивы, легко научаются разным ремеслам"². Подобную характеристику он развивает в другом своем сочинении: "Якуты обладают удивительною способностью ко всем ремеслам: терпение их и усидчивость превосходит всякое вероятие, но лениность и наслаждение бездействием ратуют со счастливыми способностями. Некоторые из них, самоучкою, вырезают из дерева статуйки с алебастровых подлинников при помощи одного ножа и пилы; есть хорошие рисовальщики, гребенщики, работающие из мамонтовой кости. ... Якуты принадлежат к породе Туркской, всегда отличавшейся воинственностью. До покорения русскими, они были в беспрестанной войне между собою... Теперь междоусобье давно кончилось, но воровство кажется в крови этого народа. Друг у друга крадут они лошадей, быков... В Якутске они производят самые утонченные воровства и умеют вывертываться из беды весьма искусно и счастливо. ... Как все полуобразованные народы, якуты склонны к ябеде, сутяжничеству и мстительности.

... В обращении якутов нет искренности, везде проглядывает лесть и скрытность. По их понятиям, тот глуп, который имея возможность обмануть, упустит благоприятный тому случай. Якут хитер, замысловат и увертлив. Бурят, напротив, благоденствен и основателен, хотя неопытнее якута. Понятие о воровстве у обоих народов одинаково: по их оно преступление, а не грех; но между бурятами воровство следствие бедности, у якутов же удалство. Гостеприимство у бурят священная обязанность, у якута она дача взаймы; бурят смирен, якут боек, нагл. Якут от природы даровитее бурята, но последний образованнее"³.

² Шүкин Н.С. Поездка в Якутск. – 1844.

³ Шүкин Н.С. Якуты // Журнал МВД. – 1854. - кн. 8.

Примерно в одно время с работами А.Ф.Миддендорфа и Н.С.Щукина была опубликована статья Ю.Джулиани, где он пишет: "Якуты отличаются от прочих сибирских народов своею принципиальностью и рассудком. Несмотря на их суеверие, они имеют особенную склонность к приобретению познаний, и нет в них того легковерия, которые характеризуют народы северной части Сибири.

Якут никогда не войдет в дружескую связь с человеком, не узнав прежде в точности его нрава и правил, чтобы согласовать с оными собственное свое поведение. Можно сказать, что якут лучший придворный, и никто не может удачнее его втереться в милость и доверие начальника или старшего. ... Якуты весьма страстны к тяжбам. ... Нельзя сказать, чтобы якуты вообще были склонны к воровству, хотя между ними есть целые семьи, преданные оному. Напротив, якут питает особенное презрение к сему пороку и ко лжи. ... Якуты вообще грубы, злы, хитры, пронырливы и склонны к мести. ... Кротость и ласковость суть качества, вовсе не уважаемые якутами; и потому строгость в обращении с ними есть наилучшее средство, чтобы приобрести их уважение и послушание. ... Якуты подвластны России, и довольны своею участью, но вообще не очень жалуют русских. Однако же, когда доходят до них сведения о победах русской армии, они изъявляют искреннюю радость, и тем обнаруживают природный воинственный дух свой"⁴.

Теперь перейдем к литературе, носящей вторичный характер. Приводимые авторы, не бывая сами в Якутии, опираются в своих выводах на свидетельства очевидцев. Подобного рода литература для нас интересна тем, что здесь "создается" общая картина сибирских народов. В соответствии с такими целями находится и характер рассматриваемых работ - популяризационный, энциклопедический, ориентированный на обыденное сознание. Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности сказать, что эти работы отражают общий уровень российских представлений о сибирских народах.

Из рассматриваемых авторов, в хронологическом порядке, первым является Н.М.Ядринцев. Вот что он пишет: "Мы чрезвычайно мало знаем наших инородцев и с именем киргиза, бурята и якута привыкли соединять тупоумие и относиться к ним презри-

⁴ Джулиани Ю. *О якутах. Сын Отечества. – 1836.*

тельно. Но вот что сообщают, например, русские и иностранные путешественники об якутах:

"Прекрасно одаренные во всех отношениях, искусные во всех ремеслах, которые быстро перенимают у русских, и при этом, как кочевники, немного требующие, якуты производят мирные завоевания даже русской народности, т.е. объякучивают русских своими склонностями. Хитрой ловкостью и бесстыдством якуты, особенно городские, напомнили Миддендорфу жидов. Народ, который, таким образом, умеет господствовать, несмотря на чужое владычество, во всяком случае заслуживает нашего внимания, и какие бы ни были недостатки этого народа, ему нельзя отказать в силе его народности." Точно также замечают, что киргизы обладают развитой фантазией, замечательным поэтическим и художественным чувством и самым веселым юмором. ... Гартвиг, основываясь на словах Миддендорфа и других путешественников, высказывает даже такое замечание: "Якуты представляют нам замечательное явление покоренного народа, навязавшего победителям свои обычаи и язык, - народа, не только не подвергнувшегося влиянию завоевателей, но, напротив, втянувшего его в свою сферу. Так, в Якутске или городе якутов (этим именем называют себя, не без некоторой национальной гордости, все тамошние уроженцы) несравненно более говорят по-якутски, чем по-русски, ибо почти все тамошние ремесленники якуты, все няньки - якутки, и даже богатый пушной торговец нередко женится на якутке"⁵.

Н. М. Ядринцев заключает собственными выводами о бурятах: "бурятское население обнаруживало не раз наклонность к образованию, и учащиеся проявляли полную способность к восприятию образования. ... Все это такого рода задатки, которые показывают, что понимание пользе просвещения не чуждо бурятскому племени и что они умеют понимать его в истинных его представителях"; об якутах: "Затем мы не можем не обратить внимания на другое племя Восточной Сибири, которое еще больше обнаружило наклонности к восприятию культуры и о способностях которого свидетельствуют с похвалою единогласно все исследователи и путешественники. Это даровитое якутское племя, хотя и поставленное в самые неблагоприятные условия природы в якут-

⁵ Ядринцев Н.М. *Сибирские инородцы. Их быт и современное положение. (Западная Сибирь). 1891.*

ском крае. Это население не только соединило со скотоводством сенокосение, давно обитает в оседлых жилищах, усвоило ремесла, выказало способность к торговле, обучилось русскому языку, приняло в значительной части православие, но там, где пользовалось просвещением, выдвигало способных и даровитых людей."

На основании "миссионерских отчетов, записок путешественников и лучших исследователей по данному вопросу" писал Т.А.Догуревич о бурятах: "По своему характеру, буряты миролюбивы и кротки; но если их оскорбить, они мстительны и даже злы. У них весьма сильно развита взаимная помощь..."; об эвенках: "Характер тунгусов значительно отличается от характера других сибирских инородцев. Тунгусы необыкновенно веселы, разговорчивы; даже голод не выводит их из постоянно-веселого настроения духа. Воровство, ложь или обман тунгусы признают позорным. Если кто-нибудь обзовет тунгуса лжецом, то этим сильно оскорбит его и вызовет в нем желание отомстить за обиду. Случается, что обиженный вызывает обидчика на поединок, но так как поединки запрещены законом, то они совершаются тайно, в лесу"; об якутах: "Эти инородцы от природы одарены довольно значительными умственными способностями и главным образом - сильною памятью. ... Что же касается нравственного состояния якутов, то в этом отношении они ниже всех других инородцев. Якуты лукавы и не всегда честны; если что плохо припрятано, якут стащит; если представляется возможность поживиться обманом, он не задумается прибегнуть к нему. Кроме того, якуты злопамятны и мстительны; за полученную обиду якут старается отомстить, если все это не удастся ему самому, он завещает мщение своему сыну или ближайшему родственнику"⁶.

Вот что писал Д. Клеменц об якутах: "отличаясь по языку от других тюрков, живя изолированно от сородичей, они представляют единственное турецкое племя, так далеко заброшенное на север. При их громадной численности, они являются настоящими хозяевами северо-востока. Этот народ, интеллигентный, стойкий и мужественный, в неизвестную эпоху продвинулся на север и сумел акклиматизироваться в околполярном районе, который стал его второй родиной. ... Якут, кроме того, при своей смышленности и практичности, является образцовым коммерсантом. Расчетли-

⁶ Свет Азии. Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края. Сост. Догуревич Т.Д. - 1897.

вый, экономный, он стал хозяином других инородцев: тунгусов, ламутов и юкагиров. В этом отношении он гораздо более ловок, чем русские торгаши. Эту черту, конечно, нельзя назвать симпатичной, но суровая борьба за существование способствует развитию кулачества и жажды приобретения не у одних полярных кочевников; достаточно упомянуть о колониационной политике культурных народов, чтобы простить якуту его стремление к благосостоянию, особенно в той стране, где деньгами можно добиться, если не всего, то очень многого такого, что по справедливости не должно бы покупаться за деньги. Вообще, как всюду без исключения, тюрки всегда одерживали верх над другими инородцами, за исключением монголов. Якут - один из наиболее культурноспособных тюрков. Кроме умения торговать и барышничать, он научился высоко ценить образование. Обучение детей для некоторых невольных жителей Якутской области было источником существования и приобретения уважения среди туземцев"; о бурятах: "За бурятами имеется то преимущество, что они как никак все-таки обладают известной культурой и исповедуют религию, которая незнание считает смертным грехом, навсегда закрывающим путь к спасению. Конечно, наука их носит средневековый схоластический характер; но ведь, такая же точно наука в средние века поддерживала едва тлевшую умственную жизнь в Европе. До сравнительно недавнего времени бурятская интеллигенция за такими исключениями, как Дорджи Банзаров, только и занималась изучением наследства, оставленного ламаизмом, но пытливость и жажда положительного знания уже пробила себе дорогу в войлочные юрты бурят. В этом отношении они гораздо восприимчивее некоторых из русских, каковы, например, знаменитые семейские старообрядцы. Это какой-то обломок допетровской Руси, полный сектантского фанатизма, враждебный всякому прогрессу. Оспопрививание они до сих пор считают антихристовой печатью, во времена холеры они не пускали к себе докторов. У бурят же, хотя и есть свои врачи индийско-тибетской школы, но они не отрицают оспопрививания, ни новых медицинских средств. При благоприятных условиях можно думать, что этот народ мог бы сделаться проводником европейского образования в Монголии", об эвенках: "По показаниям всех путешественников, тунгусы самый симпатичный народ в тайгах Сибири. Они считаются лучшими охотниками и знатоками тайги. Тунгус сохранил еще при-

митивную добросовестность в сделках, на обещание его можно положиться, отважен он до дерзости. В обращении с другими он держит себя с достоинством. Внемлет той угрюмости, которая часто встречается среди обывателей тайги; он страстный охотник до пляски и до песни. ... Тунгус любит наряжаться и старательно украшает свой ровдужный или меховой полуфрак бисером, бусами и металлическими побрякушками. Страстный охотник до удовольствий и пирушек, он крайне гостеприимен и любезен. Эти симпатичные стороны напоминают русскую широкую натуру. Он без колебания отдаст сторублевого соболя за окорок или бутылку вина, промотает свою последнюю добычу для того, чтобы произвести эффектное впечатление на своих гостей. Эти дворяне, или французы тайги, всегда в долгу, как в шелку, и у русских и у якутских торгашей"⁷.

Эти традиции были частично продолжены и в двадцатых годах нашего века. Об эвенках: "Тунгус тонок сложением, сухощав, руки и ноги у него малы. Он смугл, ловок, строен, гибок, его движения мягки и легки. В период промысла он вынослив и неприхотлив - ест мало, спит в снегу под деревом, не боится ни мороза, ни пурги. Его взгляд зорок, выстрел меток. У него веселый ровный характер, с большим темпераментом. Беззаботная удаль, страстная любовь к новым впечатлениям, пытливый, тонкий, насмешливый ум. ... Вообще тунгус непостоянен, неуравновешен, неустойчив и легкомыслен. И эти качества прежде всего складываются отрицательно на его хозяйстве. Его оленные стада уменьшаются с неуклонной быстротой. Помимо причин общего характера, здесь имеет значение его небрежное отношение к оленю, его беззаботность, отсутствие системы, плана. Тунгус легко поддается влиянию и хорошему, и дурному. Это имеет для него двойное значение. С одной стороны быстротой и легкостью, с другой - ни одна не проявляет такой благоприятной способности к переходу к новым формам хозяйствования", об якутах: "... мы должны сказать хотя бы несколько слов об интересном и многочисленном племени якутов, этих единственных представителях турецкой ветви на крайнем севере. ... Энергия и предприимчивость якутов, их способность подчинять своей культуре смежно обитающие племена (ассимилируя их) является лучшим доказательством их

⁷ Клеменц Д. *Население Сибири. Сибирь ее современное состояние и ее нужды.* - 1908.

долговечности, как исторического народа", о бурятах: "... необходимо указать на чрезвычайно развитую среди них сплоченность, на сложный по своим формам до ныне сохранившийся родовой уклад, их практический ум при некоторого рода склонности к созерцательности, граничащей с флегматичностью"⁸.

Не останавливаясь на фактических неточностях (в трактовке происхождения народов, отдельных этнографических деталей) и практической несоизмерности некоторых элементов культуры, таких как этикет, определенные морально-этические ценности (из которых выводятся иногда заключения о характере, положительности (отрицательности) того или иного народа), в заключении подчеркну лишь одно, наиболее бросающееся в глаза, обстоятельство: деление народы на исторические (цивилизованные) и неисторические (первобытные), красной нитью проходящее в русской официальной (имперской) литературе досоветского периода. Таков деление было свойственно всем народам (и историческим наукам) на ранней стадии становления национального самосознания, да и сейчас наличествует на уровне обыденного сознания. Не удержусь по этому поводу от большой цитаты из статьи И. С. Кона. "Американские социологи и психоаналитики (Беттельхейм, Яновиц, Петтигру и другие) констатируют, что враждебные этнические стереотипы в США распадаются на две группы. Один стереотип включает такие черты, как хитрость, честолюбие, корыстолюбие, агрессивность, групповой дух. Другой стереотип включает такие качества, как суеверие, лень, беззаботность, невежество, нечистоплотность, безответственность и сексуальную невоздержанность. ... Этноцентризм как чувство принадлежности к определенной человеческой группе с самого начала содержал в себе сознание превосходства своей группы над остальными. ... Но хотя любой этнической группе на заре цивилизации было свойственно ставить себя выше других, отношения между разными народностями были неодинаковы, и это отражалось в различных стереотипах. Интересную попытку классификацию таких стереотипов делают американские социальные психологи Т.Шибутани и К.М.Кван в книге "Этническая стратификация - сравнительный подход." Образ чужой этнической группы в сознании народа определяется прежде всего характером его собст-

⁸ Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н. *Население сибирского края (русские и туземцы).* - Новосибирск. - 1928.

венных исторических взаимоотношений с этой группой. Там, где между двумя этническими группами складывались отношения сотрудничества и кооперации, они вырабатывали в основном положительную установку друг к другу, предполагающую терпимое отношение к существующим различиям. Там, где отношения между группами были далекими, не затрагивающими жизненных интересов, люди склонны относиться друг к другу без враждебности, но и без особой симпатии. Их установка окрашивается главным образом чувством любопытства: смотри, мол, какие интересные (в смысле "не похожие на нас") люди бывают! ... Иное дело там, где этнические группы долгое время находились в состоянии конфликта и вражды.

Представитель господствующей нации (группы) воспринимает зависимую народность прежде всего сквозь призму своего главенствующего положения. Порабощенные народы рассматриваются как низшие, неполноценные, нуждающиеся в опеке и руководстве. Пока они довольствуются подчиненным положением, колонизаторы готовы даже признавать за ними целый ряд достоинств - непосредственность, жизнерадостность, отзывчивость. Но это добродетели, так сказать, низшего порядка. Индеец, африканец или американский негр предстают в "фольклоре" империализма чаще всего в образе детей, они могут иметь хорошие или дурные задатки, но главное - они не взрослые, ими необходимо руководить. ... Этот "отеческий" тон очень удобен - внешне благожелателен и в то же время позволяет сохранить свое господство. Иной стереотип складывается там, где меньшинство предстает как соперник и конкурент в экономической и социальных областях. ... Если порабощенная и пассивная группа наделяется чертами наивности, интеллектуальной неполноценности и моральной безответственности, то стереотип группы-конкурента наделяется такими качествами, как агрессивность, безжалостность, эгоизм, жестокость, хитрость, лицемерие, бесчеловечность, алчность. Ей не отказывают в умственных способностях, наоборот, эти способности часто преувеличивают - страх перед конкурентом побуждает переоценивать его опасность, - но говорят, что они "плохо направлены"⁹. С известными коррективами выводы американских ученых о влиянии господствующего положения одного этноса над

⁹ Кон И. С. Психология предрассудка. (О социально-психологических корнях этнических предубеждений).

другим на его оценку можно спроецировать на стереотипные представления о коренных (туземных) народах Сибири в русской литературе имперского периода. В любых интерпретациях (положительно, отрицательно и "объективно" (положительно-отрицательно) окрашенных) доминирующим является представление об изначальной неравноценности культурных уровней авторов и описываемых ими народов. Такая установка - залог стереотипного, схематизированного, весьма далекого от реальности образа инородца (подобный процесс имел и встречную линию, где также искажался образ русского, европейца и пр.). Изначально заложенная неравная оценка одного народа другим, одним социальным слоем - другого, а подчас даже собственного исторического прошлого (идея неизбежного прогресса сегодняшнего над вчерашним) будет всегда способствовать примитивным, лишенным объективности научного факта представлениям. Однако они, сами по себе представляются благодатным полем для рассмотрения межэтнических отношений через призму осознания их в такой опосредованной форме, как гетеростереотипы. Здесь дается лишь набросок возможного анализа таких представлений в исторической проекции, не ставится никаких задач, кроме одного - обратить внимание на приводимый, небезынтересный, на мой взгляд, материал.

Григорий ПОПОВ

ТЮРКСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА ЛЕНЕ?

Ранний общественно-экономический строй у якутов

Саха-омук — якутский народ в прошлом пережил большую историю (якутами их называли русские, в свою очередь видоизменив тунгусское название якутов — яко, яхо). Тюрки по своему племенному происхождению, якуты являются выходцами с юга. В VII — VIII вв., согласно китайским летописям, в числе 15 уйгурских племен значится немногочисленный народ гулигань, который, по мнению Бичурина, является якутами-сахалар, жившими в западной части от Байкала. По китайским сведениям, у них было "много превосходных лошадей". В 647 г. послы народа дубо приезжали к китайскому двору вместе с гулиганскими. Несомненно, что это были якуты.

мненно, якуты входили в состав могущественного Тюркского государства, следы которого видны в знаменитых Орхонских надписях, свидетельствующих о значительной культуре тюрков.

Орхонское государство тюрков было распределено между отдельными знатными “беги” (як. бёгё — сильный, отважный, богатырь), во главе которых стоял могущественный из “бегов” — каган, с титулом “тегина”, свидетельствующим о принадлежности к ханскому дому (не является ли знаменитый Кангаласский родоначальник XVI — XVII вв. Тыгын, могущественный из всех якутских тойонов, носителем титула “тегин”). У бегов были рабы “кул” (як. кулут — раб) и крестьяне — “кара буду” (як. хара — черный, подлый, низкий).

Орхонское турецкое государство — турецкое феодальное средневековье. В тюркских Орхонских надписях так и чувствуется якутский язык. Тюркологи долго спорили о термине “атысы”. Одни считали его названием “родственник”, другие — “племянник, кузен, побочный брат” и даже “сын сестры”, Надпись гласит — “Бу битиг битигмэ атысы Йоллыг-Тегин”, Знающий якутский язык переведет так: “Это (як. бу) письмо (як. бичик) написал (як. битигмэ) друг (як. атас — друг, приятель, близкий человек) Йоллыг-Тегин” (1).

Государство восточных турков пало в первой половине VII в. благодаря успехам китайской Танской династии. Не раз турки поднимали восстания, и в VIII в. уже наступил конец Орхонскому государству. Таким образом, в глубоком прошлом, находясь в среде могущественного и образованного турецкого государства, якуты, конечно, не могли в полной мере утратить остатков былого. Правда, продвинувшись па север, живя совместно с хоробурятами, якуты многое могли воспринять от своих соседей, частью ассимилироваться и впитать новые формы быта. Недаром, как в языке, так и физическом типе якутов находят следы монголизма.

Якуты были северными соседями урянхайцев (лубо) и восточными. — хакасов. Они ездили на север, вели дело с тунгусами и могли там осесть. Общие события, связанные с передвижением народов в эпоху чингизхановских войн, заставили якутов энергичнее передвигаться на новые места. В первой половине XIV в. в Прибайкалье сформировался бурятский народ как культурно-национальное целое. Это обстоятельство, по всей вероятности,

явилось заключительным толчком к массовой передвижке якутов в северные страны, на р. Лену, со своими табунами коннорогатого скота. Таким образом, обоснование якутов на р. Лене началось с XIV столетия.

В начале 20-х годов XVII в. оленные тунгусы Вилюя, встретившись с русскими на Н-Тунгуске, рассказывали последним, что по “большой реке Лин” (Лене — Г.П.) живут “многие люди”, с ними ведут торговлю, покупают у них соболей на железо, у них свой язык, с ними, т.е. с тунгусами, сходятся, с последними не воюют, “огненного боя” (ружей) у них нет, избы у них, как у русских, и лошади есть, платье носят такое же, как и русские люди” (2). Эти люди с “Лина” — несомненно, скотоводы якуты. Якутские деревянные “юрты” и длинные шубы “сон” для тунгусов, имевших “урасу” (шалаш) и легкие олени “парки”, показались подобными русским домам и русской одежде. Таким образом, якуты до прихода русских имели торговые сношения с народностями Вилюя и бассейна Енисея, и были известны как скотоводы.

К этому времени якуты занимали южные районы Якутии. Их не было только на Вилюе и Олекме. Густо ими были заселены нынешние Кангаласские, Намский, Амгино-Таттинские, Дюпсунский, Борогонский и Баягантайский районы. Не мало их было по р.Мае, по верхнему течению р. Алдан, небольшими вкраплениями становища якутов встречались и на севере: по р. Томпо, притокам Алдана, на Оймяконе и даже на р. Яне. Всех якутов обоого пола считалось 40 тысяч человек

Насельниками р. Лены до якутов, несомненно, были тунгусы (эвенки). Пришельцы якуты, судя по их преданиям, имели дело с тунгусами, боролись с ними и отодвинули их на другие места. На р. Лене вновь стала формироваться общественная жизнь якутов по типу отдаленного прошлого, когда они были в составе могущественного тюркского государства. Феодалные формы прошлого были перенесены якутами и на место новой их родины. Несомненно, в сознании якутов уже были готовые формы общественного быта, имевшие основу в их экономическом укладе, во всем строе хозяйственной жизни. Можем сказать, что на Лене вновь стало формироваться в миниатюре тюркское государство. На новой территории якуты расселились отдельными родовыми группировками. Русские дали название этим группировкам — “волости”. Еще и тогда были известны крупные территориаль-

ные объединения: Кангаласы, Меги (мегинцы), Намцы, Дюпсюнцы, Батурусцы... Эти, в свою очередь, распадались на мелкие родовые объединения, соответствовавшие современным наследам. Многие названия современных наслегов находим и тогда (катулинцы, мальжагарцы, бетюнцы и т.д.). Во главе всех этих объединений стояли родоначальники, или, как их называли в XVII в. сами якуты, — “тойоны”, а русские — “князцы”. Это были, по терминологии того времени, “лучшие люди”. Во главе больших территориальных объединений, соответствовавших позднейшим улусам, стояли более крупные тойоны — родоначальники, каковыми в XVII в. были: кангаласский — Тыгын, намский — Мымак, дюпсюнский — Оспек, мегинский — Бадай, батурусский — Гуликан. Во главе мелких объединений (наслежных и родовых) также стояли свои “тойоны”. Все эти “тойоны” соответствовали орхонским “бегам” и составляли якутскую родовую аристократию. Большинство этих тойонов, по преданию якутов, были людьми сильными, отважными, богатырями, вообще — “беге” — крепкий и сильный человек. Некоторые шаманы также были тойонами-родоначальниками. Так, в 1632 г. Бекетов имел дело с родоначальниками: Басинской волости — Тюсюга-Оюн Скоковым и Катулинской волости — Инен-Оюном (3).

После падения Орхонского тюркского государства, в составе которого, несомненно, были и якуты, произошел распад мелких племенных групп, объединявшихся до этого феодальной организацией могущественного азиатского государства. Продвигаясь на север в поисках новых мест, якуты вкраплялись среди других племен, имевших значительно примитивную общественную организацию. Благо даря этим обстоятельствам, у якутов значительно утратились былые формы общественно-политической организации, уступив место примитивным патриархально-родовым формам. Пережив все треволения скитальческой жизни, якуты на р. Лене, после некоторой борьбы с аборигенами, окончательно утвердились в условиях спокойной обстановки; природные условия новой родины позволили им развивать свое основное скотоводческое хозяйство и приспособиться к новому звероловческому хозяйству. Здесь, по нашему мнению, стала интенсивнее развиваться утраченная ими некогда общественно-политическая организация. Небольшие речные долины и аласы — оазисы среди дремучей тайги новой родины, еще долго заставляли якутов жить

отдельными родовыми группами под управлением своих “беге” — родоначальников, соответствовавших орхонским “бегам”.

Скотоводство увеличивалось, новый объект хозяйства — промысловый зверь — переходил с места на место и все это, вместе с увеличением населения, стало колебать установившиеся пограничные вехи территориально обособившихся якутских родов. Увеличивались пастбища и сенокосы, паутиной таежных звероловных троп покрывались девственные леса и незаметно сглаживались природные границы между отдельными родами. На почве развивающегося хозяйства складывались новые формы общественно-экономической организации. Одни роды богатели, другие — беднели. Первые утверждали свое господство на слабости последних. Наиболее слабые, мелкие и обездоленные роды в целях самосохранения объединялись и признавали над собой гегемонию рода-победителя, более многочисленного и экономически сильного. Так возникали улусные объединения, в среде которого отдельные побежденные роды оставались полусамостоятельными на правах особого вассалитета. Другие же роды под угрозой новых надвигающихся форм удалялись далеко на новые места и, в свою очередь оттеснив аборигенов, имели возможность раздробиться, чему способствовали мало тронутые природные условия. Так, по преданию якутов, начало заселению Верхоянского района положили беженцы южных районов якуты Юссал, Банду и Янгахара (4).

Таким образом, в южных районах, на местах наибольшего заселения якутов, стали происходить объединения родов и обозначаться улусные территориальные единицы. На окраинах же продолжали существовать самостоятельные смешанные роды, которые, по возможности, даже стали раздробляться. Отдельные беженцы южане в составе 2—3 семейств, больше из простого звания, на новых местах положили начало новым родовым объединениям, давая им названия прежних своих старых родов. Вот почему многие северные и окраинные якутские наслеги носят названия наслегов центральных районов. Знатная и родовитая часть якутского тойонатства, за некоторыми исключениями, оставалась в центральных районах. Этими обстоятельствами можно объяснить и общность преданий и сказаний о знаменитых якутских родоначальниках как у окраинных, так и центральных якутов.

Итак, с течением времени, у якутов на Лене стала складываться довольно сложная общественная организация со всеми признаками северного феодализма. Прежде всего тойоны-родоначальники были владельцами огромных стад коннорогатого скота и, как таковые, владели обширными и лучшими сенокосами и пастбищами. Если в якутском праве нет элементов понятия о земельной собственности, тем не менее, владение землею у якутов нередко было бессрочное, весьма продолжительное, сохранившее даже признаки наследственности. Земля принадлежит роду, но фактически распределение и распоряжение земельными угодиями находилось в руках сильных и влиятельных лиц. Если даже якутские наследные собрания (мунняхы) позднего времени были пустой фикцией на демократичность, где фактически орудовали богачи и должностные лица, то в отдаленное время право рода, при наличии могущественных и влиятельных тойонов, народных “старейшин” и влиятельных шаманов, конечно, была лишь номинальным. С уверенностью можем сказать, что земельные угодия, рыбная ловля и звероловные места богачей-родоначальников и прочей знати были неприкосновенными. Таким образом, якутские тойоны фактически были крупными землевладельцами.

Захватное право было господствующим. На этой почве происходили жестокие межродовые столкновения. В 1672 г. якуты Чиринтейской волости жаловались на якутов Успецкой волости, занявших у них “аласы” с сенокосными покосами (5). А в 1673 г. борогонские якуты во главе с тойоном Одеем в количестве 200 вооруженных людей ходили “войною” на мегинцев, “скот всякого прикололи и кони и кобылы с собою взяли” (6).

Таких фактов было не мало.

“Етөх” (усадьба) тойона был своего рода замком феодала-хищника, откуда тот делал налеты на соседние роды с целью захвата земли, скота, людей и т.д. У каждого тойонородоначальника была своя “дружина” — военные люди. Сами тойоны были предводителями родовых отрядов. Документы XVII в. рисуют якутских воинов, вооруженных луками, стрелами, кольями, короткими ножами (батас). Во время боя выходили в “куяхах” (панцырях). Была пехота и кавалерия (“якуты учили стрелять и напуцатца великими конскими напуски с копыи и с пальмы”) (7). У якутов были свои деревянные “острожки” (крепости).

Якутские тойоны-землевладельцы были и политической властью. Им принадлежала власть. Они были представителями родов. Русские завоеватели к ним обращались с призывом подданства. Тойоны всегда отвечают за своих “улусных людей”, т.е. принимают подданство или отвергают. Они же уплачивают ясак за “свой улус”. Тойонам принадлежала административная власть. Они были судьями и правителями. Русская государственная власть в XVII в. признала эти права за якутскими тойонами (“никаким судом не судить ясачных”, а предоставить это их “князцам и лучшим людям”). Глубоко был прав борогонский князец А.Аржаков, депутат Екатерининской комиссии, который, обозревая прошлое якутов, писал Екатерине II, что “якутские князцы имели всю власть над народом” (8).

Итак, тойон-земледелец сосредотачивал в своих руках и политико-административную власть. Кроме того, наблюдалась наличность известной иерархии землевладельцев, так что от самых крупных зависели более мелкие. Так, например, в 30-х гг. XVII в. крупным дюпсюнским тойоном был Оспек. После разгрома улуса русскими, Оспек “собрав князцов и своих людей, приехал в острог и принес вину” (3). Здесь он является главенствующим: собирает остальных князцов улуса и от лица народа представляет перед русскими властями в остроге. Итак, весь якутский народ был разбит на ряд тойонатств разной хозяйственной и политической мощи. Были крупные тойоны-феодалы, у которых в некоторой зависимости были мелкие тойоны-вассалы. Первыми были: у кангаласцев — Тыгын, намцев — Мымак, дюпсюнцев — Оспек, мегинцев — Бадай и т.д. У этих тойонов были многие тойоны-вассалы, управляющие отдельными родами и наслегами.

Перед приходом русских у якутов начинает складываться новая политическая ситуация. Классовая борьба между феодалами-тойонами, так называемые междуродовые столкновения, принимает ожесточенный характер и выявляется новая политическая ориентация. Мы уже указывали, что мелкие и слабые роды в целях самосохранения признавали гегемонию более сильных и могущественных родов и вливались в улусные объединения. Выросло крупное скотоводческое хозяйство, требовались большие земли, развивалась меновая торговля с соседними районами. Якуты с Лены еще до прихода русских вели меновую торговлю на

соболей и железо с тунгусами Вилюя и Н-Тунгуски (бассейн Енисея). Эти факты, конечно, были характерными прежде всего для крупных тойонов-землевладельцев и оптовиков звероловов. Прежние мелкие родовые самодовлеющие территориальные объединения были уже тесны для новой промышленно-экономической ситуации. Чувствовалась экономическая необходимость создания более крупного и целого компактного объединения. Орхонские турецкие “беги” пришли к необходимости создания единого государства под главенством “кагана”, самого сильного и могущественного из бегов, носившего титул “тегина”. К этой же необходимости пришла якутская общественно-политическая организация в XVI и в начале XVII вв.

Кангаласский тойон-феодал Тыгын, живший до 30-х г. XVII в., является исполнителем новой политической ориентации. Тыгын, фигурирующий в якутских преданиях как победитель всех якутов, могущественный витязь и богатырь, крупный богач-скотовод, был определенно исторической личностью и по всем признакам жил в районе нынешнего Жехрского наслега (Западно-Кангаласский район), там, где горные гряды холмов делают резкую излучину и возвышаются над живописным озером “Эбякель” (здесь был похоронен внук Тыгына, Мазары сын Бёжёкё, удостоившийся дважды царской аудиенции в Москве). По многочисленным преданиям якутов, Тыгын был авторитетом для всего якутского народа, признавался их властелином и даже именовался “вольным якутским царем” (9, с. 243). В целях создания единого государства он вел ожесточенную борьбу с могущественными тойонами-феодалами: намским, борогонским и др. Борьба была жестокая. Вырезались целые роды. Побежденные удалялись на окраины. Таким образом, на долю кангаласцев выпала историческая миссия — довершить тот путь, к которому некогда пришли отдаленные соплеменники якутов — орхонские тюрки.

Не знаем, какие обстоятельства помешали осуществлению новой политической ориентации: приход ли русских или смерть самого Тыгына. Нам кажется, то и другое. После Тыгына главенствующую роль среди прочих тойонов играет намский родоначальник Мымак. К моменту прихода русских он выделялся во главе всех тойонов. К нему, минуя кангаласцев, недавних врагов Мымака, прямо направляется в 1632 г. военный экспедиционный отряд енисейцев под начальством П.Бекетова и против “улуса”

этого феодала на правом берегу р. Лены русские ставят первый укрепленный “острожек” на Лене. К нему в **1633** г., как к сюзерену, съезжаются со своими “дружинами” феодалы-вассалы: кангаласские, мегинские, таттинские, дюпсюнские и др. для осуществления заговора против русских.

Такова общественно-политическая эволюция якутского народа к моменту прихода на Лену русских. Не будь обстоятельств внешних событий 2-го десятилетия XVII в., мы увидели бы на Лене Якутское ханство под управлением кангаласской фамилии “Тыгынов”, в составе которого объединились бы не только все якуты, но и были бы вовлечены тунгусы (эвенки) и палеоазиатские племена севера. Итак, в прошлом дорусских якутов мы видим своеобразный северный феодализм, главные признаки которого, как мы указали, были налицо. Русская государственная власть в XVII в. в фискальных соображениях не поколебала многих сторон феодального быта якутов, пережитки которого остались живучими до позднейшего времени. “Старинные якуты жизнь проводили больше в играх, забавах, собраниях... ходили с ысыаха на ысыах, со свадьбы на свадьбу; любили танцы, песни, зрелища, шаманство... Работали мало. Сена косили совсем не много, рогатого скота не держали... Теперь пошло другое: требуется тяжелый труд. Исчезли игры, умолкли песни... Прежние якуты не знали заботы... запасов сена не делали” (10, с. 271-272). Такую идиллическую жизнь в прошлом рисует якутский фольклор, которому, к сожалению, слишком доверчиво склонны относиться некоторые исследователи прошлого якутов. Такой взгляд на прошлое общественно-экономической жизни якутов, конечно, не верен. Была подлинно тяжелая, трудная жизнь. Были классы и была классовая борьба. С одной стороны, привилегированный и имущий класс — якутские тойоны-феодалы, жившие в своих богатых и обширных “ётёхах” (усадьбах). У них лучшие и обширные угодия. Многочисленные стада конно-рогатого скота. Жили они летом в обширных узорчатых берестяных “урасах” (шалаш). Носили дорогие собольи шубы с “оюла-ми” (узорами). Они имели “власть над народом”.

С другой стороны — трудовой якутский народ, живший в простых “юртах”, а летом — в ровдужных чумах (11). Якуты, арестованные воеводой Головиным в начале 40-х гг. XVII в., с отчаянием говорили: “Либо нас вешай или в улусы отпускай, ныне-де се-

но у нас не кошено, скотишко весь перемрет” (12). Здесь слышится отчаяние якута-скотовода, у которого единственное “скотишко” перемрет. Это не вопль тойона-богача. Тогда же “иные якуты, наши братья, многие живут по озерам и кормятся рыбешками и сосною” (13). Таким образом, кормились “многие” карасями, озерными гальянами (мунду) и сосновой заболонью. В 1677 г. якуты жаловались: “многие ясашные бедны и нужны и в ясаке стоят на провежу” (14).

Междуродовые столкновения, чаще происходившие в интересах богачей-тойонов, разоряли трудовое якутское население. В 1672 г. якуты Успецкой волости отняли у якутов Чиринтейской волости “аласы” и рыбные ловли, отчего, как жаловались чиринтейцы, “мы разорились вконец” (5). Кроме трудового народа, еще была закабаленная часть населения, это “кулуты” — рабы и “хамначиты” — работники. Они жили у влиятельных и богатых якутов. Рабы (кулуты) вербовались больше из пленников, захваченных чаще при родовых столкновениях. Рабы были бесправными лицами. Они сопровождали тойона при поездках: бежали рядом с его лошадыю; по преданию, любимый “кулут” закапывался живым в могилу умершего господина. Рабов закладывали, продавали и т.д.

Не менее тяжелой была жизнь “хамначитов” — наемных работников. Они работали на тойонов и составляли его дворовую челядь. Несомненно, и в то отдаленное время была борьба между якутскими социальными группировками. Хамначит и кулут не могли не чувствовать своего бесправного положения и, если представлялась возможность, действовали не в интересах своих господ. В 1634 г. “холоп” князца Мымака донес атаману Ивану Галкину о заговоре якутских тойонов и готовящемся нападении их на Ленский острожек (7). Тут, по видимому, проявилась классовая неприязнь “холопа” к своим господам, если он решился на выдачу их тайного намерения русским. Во всяком случае, победа русских сулила бесправному “холопу” облегчение от ужасного рабского положения.

Литература

1. Козьмич Н.Н. Классовое лицо “атысы” Йоллыг-Тегина, автора Орхонских надписей.
2. Архив ЯАССР. Фонд Васильевского. Материалы из портфеля Миллера. Челобитная 1622 года.
3. Архив ЯАССР. Фонд Васильевского. Дневные записи П. Бекетова.

4. Журнал “Северная звезда”, СпБ. 1817г.
5. Архив ЯАССР. Фонд Васильевского. Из портфеля Миллера. Дела Якутского Областного Правления. 1595-1749 гг. Вязка 1, № 21 — 29. Челобитная якутов.
6. Там же. Фонд Васильевского. Челобитная князя Борогонской волости Чюкачко Канчикова в 1-880 г.
7. Там же. № 1, тетрадь 2. О походе на Алдан.
8. Попов Г.А. Якутские князцы и Екатерина II // Сб. трудов по изучению Якутского Края. Якутск. 1922. № 1.
9. Левенталь. Подати, повинности и земля у якутов. // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929.
10. Серошевский В. Якуты.
11. Архив ЯАССР. Фонд Васильевского. Сыск про казака Ивашка Силина. Ст Сибирского Приказа № 1557 г.
12. Там же. Челобитная Е. Филатова, в 1644 г.
13. Там. № 4. Тетрадь I. Челобитная якутских казаков.
14. Там же. Челобитная Якутского воеводы Бибикова в 1678 г.

V

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Максим Кирчанов

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ

(на примере языковых исследований в Чувашской АССР)

В советский период язык воспринимался чувашскими интеллектуалами как один из важнейших инструментов в культивировании и усилении чувашской национальной идентичности. Одной из форм поддержки национальной идентичности в этом плане стало изучение чувашского языка. Примечательно, что язык изучался максимально широко, в самых разных его аспектах. В своих исследованиях чувашского языка местные чувашские интеллектуалы в советский период стремились показать и доказать преемственность с авторами более раннего периода. Данной проблеме была посвящена значительная литература, в рамках которой рассматривалась деятельность отдельных исследователей чувашской (В.П. Громова, В.К. Магницкого, Н.В. Никольского), так и общее изучение их истории, языка, этнографии и культуры чувашского народа, анализировались историографические направления прошлого, связанные с изучением чувашской истории¹.

Главным предшественником чувашских советских интеллектуалов был объявлен русский тюрколог Н.И. Ашмарин, который помимо русского, написал ряд работ на чувашском языке. Ашмарин, действительно, значительную часть своих научных исследований посвятил именно чувашам. Первая работа подобного плана

¹ Алексеев А.А. Краткий очерк жизни и деятельности чувашеоведа В.П. Громова // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. - Чебоксары, 1986. - С. 59 - 69; Кочетков В.Д. Изучение истории Чувашии в первой половине XIX века (1800 - 1860) // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. - Чебоксары, 1980. - С. 120 - 152; Кочетков В.Д. Изучение истории Чувашии во второй половине XIX - начале XX века // Исследования по истории Чувашии до октябрьского периода. - Чебоксары, 1985. - С. 90 - 114; Васильев А.В. У истоков чувашской фольклористики и литературоведения // НИИ при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 67. Чувашский язык и литература. - Чебоксары, 1976. - С. 130 - 149; Дмитриева Ю. Чувашская грамматика Й. Буденца // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. - Чебоксары, 1986. - С. 44 - 58; Матвеев Г.Б. Изучение этнографии чувашского народа в первой половине XIX века // Вопросы историографии историко-культурного изучения Чувашии. - Чебоксары, 1981. - С. 3 - 33; Димитриев В.Д. Николай Владимирович Никольский (Очерк жизни и деятельности) // Вопросы историографии историко-культурного изучения Чувашии. - Чебоксары, 1981. - С. 45 - 113; Фокин П.П. Обычное право чувашей в работах В.К. Магницкого // Вопросы историографии историко-культурного изучения Чувашии. - Чебоксары, 1981. - С. 34 - 44.

была издана им в **1892** году и была посвящена проблемам чувашской народной поэзии. Ашмарин был так же первым исследователем, который с научных позиций стал разрабатывать теорию о происхождении чувашей от волжских болгар, теорию о болгаро-чувашском континуитете. Ашмарин изучал и проблему влияния монголо-татар на чувашей. Ашмарин проявил себя и как исследователь чувашского синтаксиса. Основное внимание он уделит проблемам создания словаря чувашского языка. Программа для составления чувашского словаря была составлена и разработана им уже в **1899** году. В **1910** году им был издан первый выпуск словаря чувашского языка. Издание было завершено лишь к **1950** году. Всего усилиями Ашмарина было подготовлено семнадцать выпусков данного словаря².

Ашмарину советскими чувашскими интеллектуалами приписывалось то, что он стал основоположником чувашского языкознания. Ашмарину советские чувашские историки посвятили ряд статей и исследований. Ашмарин рассматривался как исследователь особенностей чувашского синтаксиса, как исследователь морфологии чувашского языка, как лексикограф, этимолог, как исследователь генезиса чувашей и чувашского языка, как диалектолог, как исследователь чувашского литературного языка. Советские чувашские интеллектуалы считали, что именно Н.И. Ашмарин стал первым профессиональным исследователем чувашского языка. Они отмечали, что он очень много сделал для изучения культуры и языка чувашского народа, «обобщил и донес до наших дней духовное наследие наших предков», способствуя расцвету «национальной культуры чувашского народа». В заслугу Ашмарину ставили доказательство происхождения чувашей от волжских болгар и составление семнадцати томов чувашского словаря - «сокровищницы языка чувашей» и «монументального памятника материальной и духовной культуры чувашского наро-

² Ашмарин Н.И. *Сӗнӗ сӑмасхем // Атӑл юрри. 1920. № 1. - С. 20 - 21; Ашмарин Н.И. Ваттисем каланӑ сӑмасхем. - Шупашкар, 1925; Ашмарин Н.И. Очерк народной поэзии у чуваш // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. 13 - 14. - С. 42 - 64; Ашмарин Н.И. Болгары и чуваш // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1902. Т. XVIII. - Вып. 1 - 3. - С. 1 - 132; Ашмарин Н.И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани. 1921. Т. 2. - С. 93 - 128; Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. - Вып. 1 - 17. 1910 - 1950; Ашмарин Н.И. Программа для составления чувашского словаря // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1899. Т. XVI. - Вып. 2. - С. 243 - 248; Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Т.1. Казань, 1903.*

да». Советские чувашские авторы считали, что именно благодаря Ашмарину чувашский народ «пребывает в полном расцвете своих творческих сил». Чувашские исследователи, считали, что помощь Ашмарина чувашскому народу неоценима. Он восхвалялся за доказательство болгарского происхождения чувашей, стабилизацию литературных норм чувашского языка. Более того, он преподносился как «замечательный деятель культуры чувашского народа». Ашмарин рассматривался вместе с тем и как зачинатель изучению чувашско-угорских языковых отношений и контактов³.

Кроме русских предшественников чувашские советские интеллектуалы искали своих предшественников и среди чувашских деятелей. В качестве такого предшественника они нередко рассматривали Никиту Ефимова - одного из первых чувашских ученых, который занимался изучением чувашского языка. Его исследования «Материалы к изучению чувашского языка» и «Чувашские песни с переводом их на русский язык» получали самую положительную оценку, рассматриваясь как «ценнейшие труды по чувашскому языку». В целом, чувашские советские авторы считали, что Ефимов «занимает достойное место среди замечательных деятелей чувашской культуры». В качестве еще одного

³ Алексеев А.А. Ашмарин о некоторых вопросах развития чувашского литературного языка // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 179 - 186; Андреев И.П. Ашмарин и проблемы чувашского синтаксиса // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 83 - 94; Сергеев Л.П. Ашмарин как диалектолог // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 163 - 178; Федотов М.Р. Ашмарин о происхождении чувашского языка // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 152 - 161; Каховский В.Ф. Ашмарин о происхождении чувашского народа // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 187 - 205; Павлов И.П. Ашмарин как исследователь морфологии чувашского языка // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 64 - 75; Петров Г.П. Ашмарин и некоторые вопросы психолингвистической природы согласных сочетаний в чувашском языке // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 57 - 62; Петров Н.П. Ашмарин - выдающийся лексикограф // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 95 - 117; Добродомов И.Г. Ашмарин как этимолог // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 141 - 147; Егоров Н.Е. Н.И. Ашмарин - выдающийся исследователь языка, фольклора и истории чувашского народа // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 3 - 12; Сироткин М.Я. Н.И. Ашмарин и чувашская культура // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 13 - 20; Тепляшина Т.И. Н.И. Ашмарин и вопросы финно-угроведения // Н.И. Ашмарин - основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. - Чебоксары, 1971. - С. 40-43.

предшественника советская чувашская интеллектуальная традиция рассматривала Н.М. Охотникова - просветителя чувашей и прогрессивного деятеля, который способствовал росту чувашской культуры⁴.

Первые попытки культивирования чувашской национальной идентичности именно на базе чувашского языка имели место уже в 1920-1930-е годы. Это было связано с политикой коренизации, которая содействовала развитию местных языков. На раннем этапе местные авторы еще чувствовали относительную свободу и выступали с проектами, в значительной степени национально окрашенными. В 1921 году А. Милли на заседании Общества изучения местного края Чувашии выступал с критикой использования в чувашском языке русского алфавита, так как использовать его означает «приобщать народ к ассимилирующей и растворяющей русской культуре». Милли отмечал, что его использование опасно, так как может привести к «катастрофе всех основ национальной жизни». Поэтому, он считал необходимым перейти на латинский шрифт, так как «толерантность и общечеловечность западной культуры являются полной гарантией развития и сохранения ценных особенностей чувашей»⁵.

В Чувашской АССР в 1920-1930-е годы вышел ряд важных работ по проблемам истории Чувашии, особенностям народной традиционной культуры чувашского населения, истории чувашского языка и чувашской литературы, которые отстаивали официальные советские концепции пролетарской культуры и литературы. Тогда появились первые профессиональные издания по грамматике чувашского языка и словари. Советские чувашские интеллектуалы подводили и первые итоги национально-культурного и государственного строительства в Чувашии. Наряду с этими изданиями на русском языке активно издавалась литература на чувашском. Среди чувашских изданий ведущее место принадлежит работам, посвященным чувашскому языку, чувашской терминологии, словарям, орфографии. Кроме издания по

⁴ Алексеев А.А. Жизнь и деятельность чувашского этнографа, фольклориста и языковеда Н.Е. Ефимова // НИИ при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 59. Чувашский язык и литература. - Чебоксары, 1975. - С. 198-228; Денисов П.В. Никифор Михайлович Охотников (Очерк жизни и деятельности // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. - Чебоксары, 1984. - С. 3 - 30; Денисов П.В. Историко-этнографические исследования Н.М. Охотникова // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода. - Чебоксары, 1985. - С. 70 - 89.

⁵ Отчет о деятельности Общества изучения местного края Чувашии за 1921 - 1922 годы. - Чебоксары, 1923. - С. 20 - 22.

языку, выходили и работы, посвященные критике чувашского буржуазного национализма⁶.

Однако наибольший интерес представляют попытки культивирования чувашской национальной идентичности, которые имели место уже в послевоенный период, когда начали выходить обобщающие работы по чувашскому языку, в особенности - словари - орфографические, русско-чувашские, чувашско-русские. В 1963 году на базе различных учреждений был создан Научно-исследовательский институт литературы, языка, истории и литературы, который стал крупнейшим центром изучения чувашского языка. Усилия сектора языка были сосредоточены на изучении фонетики, лексикологии и грамматики языка. Усилиями ученых сектора было издано несколько сборников статей и монографий по различным проблемам чувашского языка⁷.

После войны увеличилось количество работ по проблемам чувашского языкознания, издаваемых на чувашском языке. Правда, при общесоюзной тенденции к русификации, число исследований на чувашском языке было гораздо меньшим, чем аналогичные публикации на русском. Тем не менее, в Чувашской АССР вышел ряд важных работ посвященных роли советской власти в развитии языка чувашей, а так же чувашскому литературному языку, его лексике, синтаксису, орфографии, грамматике,

⁶ Авраль Д. За пролетарскую литературу. - Чебоксары, 1930; Золотов Н.Я. Краткий очерк народной поэзии чуваш. - Чебоксары, 1928; Павлов Ф. Чуваши и их песенное и музыкальное творчество. - Чебоксары, 1927; Егоров В.Г. Введение в изучение чувашского языка. - М., 1930; Васильев И. Краткий очерк истории чувашской литературы. - Чебоксары, 1930; Матвеев Т.М. Грамматика чувашского языка. Симбирск, 1919; Терминологический русско-чувашский словарь. - Вып.1. Общественно-политические термины. - Чебоксары, 1932; Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. - М., 1933; Тимуха Хёветёрё Чăваш чĕлхийĕн крăмматики. - Шупашкар, 1928; Шкулта вĕренмелли учебниксене кĕнĕ терминсем. - Шупашкар, 1934; Ванеркке Н. Чăваш чĕлхийĕн орфографи словарĕ. - Шупашкар, 1926; Ванеркке Н. Чăвашла сьрасси (Правĕлĕсемпе орфографи словарĕ). - Шупашкар, 1929; Кузнецов И. Чăваш коммунистĕсем хушшинчи сьлтăш сулăнчăка тата национализма хирĕç. - Шупашкар, 1930; Кузнецов И. Наци ыйтăвĕпе чăвашсен илемлĕ литератури. - Шупашкар, 1931.

⁷ Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ. - Шупашкар, 1951; Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ / ред. И. Павлов. - Шупашкар, 1963; Чăваш чĕлхи орфографийĕн кĕске словарĕ / ред. С.П. Горский. - Шупашкар, 1969; Русско-чувашский словарь / ред. М. Сироткин. - Чебоксары, 1940; Русско-чувашский словарь / ред. В. Егоров. - Чебоксары, 1948; Русско-чувашский общественно-политический словарь / сост. М.И. Скворцов. - Чебоксары, 1973; Русско-чувашский словарь общественно-политических терминов / сост. Н.А. Андреев. - Чебоксары, 1960; Степанов А.С., Лазарева А.В. Вырăсла-чăваша словарь. - Шупашкар, 1969; Чувашско-русский словарь / ред. М.Я. Сироткин. - Чебоксары, 1961.

стилистике, морфологии и фразеологии и другим проблемам современного чувашского, литературного и разговорного, языка⁸.

Большая часть исследований о чувашском языке выходила все-таки на русском языке. Чувашские исследователи в русскоязычных работах подвергли анализу и изучению самые разные аспекты истории и современного состояния чувашского языка. Остановимся на наиболее важных чувашских исследователях языка и направлениях их научной деятельности. Чувашский исследователь И.А. Андреев занимался изучением проблем, связанных с причастий и аффиксов в чувашском языке. Н.А. Анисимова изучала этимологию названий рыб. Р.Г. Ахметьянов - этимологию названий чувашских фольклорных жанров. Ю.М. Виноградов посвятил свои исследования такой проблеме, как порядок слов в конструкциях с прямой речью в современном чувашском литературном языке, несобственно-прямая речь на материале современной чувашской художественной прозы, типы авторских ремарок и характер их основного элемента в конструкциях с прямой речью в современном чувашском литературном языке⁹.

⁸ Алексеев А.А. Чăваш сывулăхĕн Аслă Октябрь революцийĕчченхи утăмасĕм // Тăван Атăл. 1971. № 1. - С. 66 - 72; Андреев И.А. Чăваш чĕлхин стилистики. Синтаксис-С. - Шупашкар, 1985; Андреев И.А. Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. - Шупашкар, 1975; Горский С.П. Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ. - Шупашкар, 1966; Иванов А.И. Пĕрле е уйрăм сырасси синчен шухăшлани // НИИ при СМ Чувашской АССР. Ученые записки. - Вып. XXXII. Вопросы чувашской литературы и языка. - Чебоксары, 1966. - С. 170 - 176; Павлов И.П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. - Шупашкар, 1965; Чернов М.Ф. Хасат чĕлхинчи фразеологизмсем // Чĕлхе культури ыйтăвĕсем. Хасат-журнал чĕлхи. Шупашкар. 1971. - С. 64 - 75; Чернов М.Ф. Çĕспел Мишиши произведенийĕсенчи фразеологизмсем // Ялав. 1972. № 6; Чернов М.Ф. Мĕн вăл фразеологи? Фразеологизмсене куçарма усă курнă мелсем // Чернов М.Ф. Краткий русско-чувашский фразеологический словарь. - Чебоксары, 1975; Чернов М.Ф. Çĕспел Мишиши произведенийĕсенчи фразеологизмсем // Чĕлхе культури ыйтăвасĕм. Шупашкар. 1981. - С. 48 - 66; Павлов И.П. Тĕрĕсрех те сăмăлрах сывма пулăшакан орфографи словарĕ // Тăван Атăл. 1966. № 6. - С. 85 - 91; Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ. - Шупашкар, 1969; Горшков А.Е. Чăваш чĕлхи лексикин аталанăвĕ. - Шупашкар, 1960; Скворцов М.И. Чăваш лексикографийĕ. - Шупашкар, 1985.

⁹ Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. - Чебоксары, 1961; Андреев И.А. Аффиксы в чувашском языке // НИИ при СМ Чувашской АССР. Ученые записки. - Вып. 6. 1952. - С. 166 - 195; Анисимова Н.А. К этимологии некоторых чувашских названий рыб // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 97. Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. - Чебоксары, 1980. - С. 19 - 22; Ахметьянов Р.Г. Этимология названий чувашских фольклорных жанров // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 97. Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. - Чебоксары, 1980. - С. 23 - 27; Виноградов Ю.М. Порядок слов в конструкциях с прямой речью в современном чувашском литературном языке // НИИ при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 59. Чувашский язык и литература. - Чебоксары, 1975. - С. 114 - 122.

А.Е. Горшков изучал роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Ю. Дмитриева-Солонташ анализировала названия деревьев в чувашском языке. И. Добродомов изучал чувашско-русские языковые связи на примере болгарских заимствований в русском языке. Г. Дягтерев анализировал аспекты земледельческой лексики чувашского языка. Г.Е. Корнилов изучал залоги чувашского языка. А.П. Орлова анализировала особенности образования глаголов с помощью аффикса *-ла (ле)* в чувашском языке и словообразовательные типы чувашских подражательных глаголов и их основные значения. Н.П. Петров изучал развитие словообразовательных типов в чувашском языке и изменение семантической структуры чувашских слов в советскую эпоху¹⁰.

Н. Резюков проводил сравнительные исследования в области грамматики русского и чувашского языков. М. Федотов изучал исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Л. Сергеева изучала глагольные конструкции типа «причастие + вспомогательный глагол тул- в сослагательном наклонении» в современном чувашском языке. В.П. Семенов анализировал проблемы связанные с особенностями языка газеты «Коммунизм ялавё», изучая его лексико-грамматические особенности. П. Яковлев изучал историю ударения в чувашском языке. Т.М. Матвеев занимался диалектологией

¹⁰ Горшков А.Е. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. - Чебоксары, 1963. Дмитриева-Солонташ Ю. Названия деревьев в чувашском языке // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 97. Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. - Чебоксары, 1980. - С. 28 - 36; Добродомов И.Г. Болгарские заимствования в древнерусском и других славянских языках как источник для проблемы этногенеза чувашей // Вопросы истории чувашского языка. - Чебоксары, 1985. - С. 39 - 50; Дягтерев Г.А. Лексика земледелия в чувашском языке // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. - Чебоксары, 1986. - С. 25 - 33; Корнилов Г.Е. К вопросу о залогах в чувашском языке // НИИ при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 53. Чувашский язык и литература. - Чебоксары, 1975. - С. 44 - 61; Орлова А.П. Образование глаголов с помощью аффикса *-ла (ле)* в чувашском языке // НИИ при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 59. Чувашский язык и литература. - Чебоксары, 1975. - С. 123 - 139; Орлова А.П. Словообразовательные типы чувашских подражательных глаголов и их основные значения // Чувашский язык, литература и фольклор. - Вып. 2. - Чебоксары, 1973; Петров Н.П. Развитие словообразовательных типов с аффиксом *-сă (-сё, -с)* и пополнение лексики чувашского литературного языка в советский период // НИИ при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 67. Чувашский язык и литература. - Чебоксары, 1976. - С. 3 - 41; Петров Н.П. Изменение семантической структуры чувашских слов в советскую эпоху // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 97. Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. - Чебоксары, 1980. - С. 90 - 95.

чувашикого языка, изучая особенности и специфику различных чувашских диалектов¹¹.

А.С. Канюкова рассматривала особенности диалектов чувашей тури и анатри. Р. Цаплина анализировала морфологические особенности ишлейского говора. Очень много для изучения языка сделал В.Г. Егоров, который анализировал особенности современного чувашского литературного языка, этимологию чувашских терминов родства и свойства, историю чувашского языка на его ранних этапах, татарско-чувашские языковые отношения и татарские заимствования в чувашском языке¹². Что касается И.П. Павлова, в центре его исследований находились самые разные проблемы, а именно: морфология современного чувашского языка, категория лица в чувашском языке. лексические группы и грамматические формы числительных, словообразовательные типы чувашских подражательных глаголов и их основные значения, происхождение личных местоимений в чувашском языке¹³.

¹¹ Резюков Н.А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. - Чебоксары, 1959; Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. - Чебоксары, 1968; Яковлев П.Я. К истории изучения ударения в чувашском языке // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 74. Вопросы истории и грамматики чувашского языка. - Чебоксары, 1977. - С. 84 - 97.

¹² Сергеева Л.П. Глагольные конструкции типа «причастие + вспомогательный глагол тул- в сослагательном наклонении» в современном чувашском языке // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. - Чебоксары, 1986. - С. 15 - 24; Семенов В.П. Заметки о языке газеты «Коммунизм ялавл» // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 74. Вопросы истории и грамматики чувашского языка. - Чебоксары, 1977. - С. 98 - 116; Семенов В.П. К характеристике лексическо-морфологических особенностей языка газеты «Коммунизм ялавл» // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 87. Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. - Чебоксары, 1979. - С. 126 - 149; Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. - Вып.1. - Чебоксары, 1960; Канюкова А.- С. Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри // Материалы по чувашской диалектологии. - Вып.1. - Чебоксары, 1960; Цаплина Р.И. Морфологические особенности ишлейского говора // Материалы по чувашской диалектологии. - Вып.1. - Чебоксары, 1960; Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык. - Чебоксары, 1971; Егоров Н.И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 87. Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. - Чебоксары, 1979. - С. 41 - 68; Егоров Н.И., Ефимов Ю.Ф. Материалы к вопросу о татарских лексических заимствованиях в чувашском языке // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. - Чебоксары, 1986. - С. 65 - 84; Егоров Н.И. Оногуры, савиры, болгары, Угры и их взаимоотношения в первой половине I тысячелетия до н.э. // Чувашский язык: история и этимология. - Чебоксары, 1987. - С. 16 - 31.

¹³ Павлов И.П. Краткий очерк морфологии современного чувашского языка // НИИ при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 53. Чувашский язык и литература. - Чебоксары, 1975. - С. 3 - 18; Павлов И.П. О лексических группах и грамматических

Значительный вклад в изучение чувашского языка внес исследователь М.Ф. Чернов, изучавший целый комплекс проблем, среди которых: дифференциальные признаки фразеологической единицы в чувашском языке, семантическая структура глагола тух в чувашском языке, слово, фразеологизм и свободное сочетание слов в чувашском языке, фразеология современного чувашского языка, классификация сочетаний слов с глаголом тух в чувашском языке, структурно-семантическая классификация и образование терминов современного чувашского языка, глагольно-субстантивные фразеологические сочетания в современном чувашском языке, глагольные лексемы чувашского языка с широким кругом несвободных значений, субстантивные фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией в чувашском языке¹⁴.

формах числительных в чувашском языке // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 74. Вопросы истории и грамматики чувашского языка. - Чебоксары, 1977. - С. 3 - 15; Павлов И.П. Словообразовательные типы чувашских подражательных глаголов и их основные значения // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. - Чебоксары, 1960; Павлов И.П. К вопросу о происхождении личных местоимений в чувашском языке // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 97. Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. - Чебоксары, 1980. - С. 74 - 89; Павлов И.П. О некоторых проблемах, связанных с категорией лица в чувашском языке // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. - Чебоксары, 1986. - С. 3 - 14.

¹⁴ Чернов М.Ф. К вопросу о дифференциальных признаках фразеологической единицы (на материале чувашского языка) // НИИ при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 53. Чувашский язык и литература. - Чебоксары, 1975. - С. 19 - 43; Чернов М.Ф. К характеристике семантической структуры глагола тух в чувашском языке // НИИ при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 67. Чувашский язык и литература. - Чебоксары, 1976. - С. 43 - 72; Чернов М.Ф. Современный чувашский язык. Слово, фразеологизм и свободное сочетание слов. - Чебоксары, 1988; Чернов М.Ф. Фразеология современного чувашского языка. - Чебоксары, 1985; Чернов М.Ф. К вопросу о классификации сочетаний слов с глаголом тух в чувашском языке // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 74. Вопросы истории и грамматики чувашского языка. - Чебоксары, 1977. - С. 16 - 40; Чернов М.Ф. Глагольно-субстантивные фразеологические сочетания в современном чувашском языке // НИИ языка, истории, литературы и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 98. Исследования по этимологии и фразеологии чувашского языка. - Чебоксары, 1980. - С. 49 - 78; Чернов М.Ф. Глагольные лексемы чувашского языка с широким кругом несвободных значений // НИИ языка, истории, литературы и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 98. Исследования по этимологии и фразеологии чувашского языка. - Чебоксары, 1980. - С. 79 - 131; Чернов М.Ф. Субстантивные фразеологические сочетания с экспрессивно-оценочной функцией в чувашском языке // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. - Чебоксары, 1986. - С. 34 - 43; Чернов М.Ф. К вопросу о структурно-семантической классификации и образовании терминов современного чувашского языка // НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Труды. - Вып. 87. Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. - Чебоксары, 1979. - С. 93 - 125.

Таким образом, в советский период были достигнуты значительные успехи в изучении чувашского языка. При этом наряду с позитивными тенденциями было немало негативных факторов. На фоне появления фундаментальных исследований и словарей, чувашский язык постепенно вытеснялся из образования и производства, заменяясь русским. Сферой бытования языка становилась наука и художественная литература. При этом языковые исследования сыграли свою позитивную роль в развитии чувашской идентичности и модерновой нации.

Разработанная научная и методологическая база были призваны доказать и показать, что чувашский язык является языком развитой общности и может широко применяться. Теория редко совпадала с реальной жизнью. Постепенно чувашский язык утрачивал свои позиции. Кроме этого чувашские интеллектуалы были вынуждены вести полемику с татарскими коллегами, которые ставили под сомнение тюркский характер чувашского языка. Поэтому, эти аспекты языковой истории Чувашии в советский период нуждаются в дальнейшем изучении в контексте проблем сохранения и развития чувашской идентичности.

СВЕДЕНИЯ О ПУБЛИКАЦИЯХ

Мурад Аджи

Мы говорили на одном языке (Эссе о русском языке). Публикуется впервые, текст предоставлен автором.

Е.П. Антонов

Движение конфедералистов в Якутии в 1927 – 1928 гг. Публикуется по: Сибирская заимка. – 2002. – № 5. http://zaimka.ru/05_2002/antonov_rebel/

В.В. Бартольд

Киргизское великодержавие. Публикуется по: Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В.В. Сочинения. - М., 1963. - т. II - часть 1 - С.28-40.

Марианна Бурцева

Якуты и другие народы глазами русских авторов XIX – начала XX века. Впервые опубликовано в: Илин. Журнал Министерства культуры Республики Саха (Якутия). – 1991. – № 2. Особенности авторского стиля сохранены без изменений.

Л. Величко

Реакция и оппозиция в Турции (По данным политических процессов). Публикуется по: Східний Світ. – 1927. – Т. 1. – С. 26 – 31. Орфография и особенности авторского стиля сохранены.

С.У. Дюйшенбиев

Роль ислама в становлении кыргызской государственности. Публикуется по: Дюйшенюиев С.У. Роль ислама в становлении кыргызской государственности // <http://www.kyrgyz.ru>

Максим Кирчанов

Изучение языка и идентичность (на примере языковых исследований в Чувашской АССР). Публикуется впервые.

Григорий Попов

Тюркское государство на Лене? Ранний общественно-экономический строй у якутов. Впервые опубликовано в: Илин. Журнал Министерства культуры Республики Саха (Якутия). – 1996. – № 1 – 2. Особенности авторского стиля и оформления научно-справочного аппарата сохранены без изменений.

АВТОРАМ

ВОРОНЕЖСКИЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ ТЮРКСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВОРОНЕЖСКИЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК»

Воронежский электронный журнал тюркских исследований «Воронежский тюркологический сборник» (далее: **Воронежский электронный журнал тюркских исследований**) - новый проект Научного общества (<http://nofmo.ucoz.ru>) Факультета международных отношений Воронежского государственного университета.

«Воронежский электронный журнал тюркских исследований» - междисциплинарный проект, который может в перспективе стать площадкой для развития тюркских исследований на широкой основе – от истории до современности, от политологии до международных отношений, от языкознания до литературоведения.

Планируется, что в рамках **«Воронежского электронного журнала тюркских исследований»** будут публиковаться статьи, посвященные как зарубежным тюркским народам, так и тюркским народам России.

«Воронежский электронный журнал тюркских исследований» принимает статьи на русском, украинском, английском или турецком языке. Возможны публикации и на других тюркских языках в том случае, если они будут сопровождаться резюме на одном из обозначенных выше языков.

Предполагается, что в рамках **«Воронежского электронного журнала тюркских исследований»** будут существовать следующие разделы:

«Статьи и исследования»

публикации результатов оригинальных исследований

«Из истории тюркских исследований»

публикации работ, посвященных истории, языкам и культуре, которые вышли в более ранний период и представляют в настоящее время библиографическую редкость

«Актуальная история тюркологии»

публикации тематически и локально сфокусированных работ 1990-х годов, посвященных различным аспектам тюркологических исследований

«Зарубежная тюркология»
публикации оригинальных статей и переводов работ зарубежных
тюркологов

«Тюркские литературы»
публикации исследований, посвященных литературам тюркских
народов; издание текстов на языке оригинала или в переводе на
русский и украинский язык

«Komşuluk / Соседство»
статьи, посвященные проблемам истории и современного состоя-
ния отношений между тюрками и славянами, индо-иранцами,
финно-уграми

«Тюркские языки»
публикация результатов исследований, посвященных тюркским
языкам

«Рецензии, критика, библиография»
обзоры публикаций по тюркологии

«Научная жизнь»
сообщения о конференциях, семинарах и т.п.

Объем принимаемых материалов:
статьи (от 7 до 25 стр.),
рецензии (от 5 до 10 стр.),
обзоры (от 3 до 5 стр.)
сообщения (до 3 стр.)

Статьи, рецензии, материалы, сообщения для публикации при-
нимаются до последнего числа текущего месяца.

Адрес для приема материалов: maksymkirczaniw@rambler.ru
(Кирчанов Максим Валерьевич – преподаватель кафедры между-
народных отношений и регионоведения ВГУ)

Материалы журнала в формате PDF
размещаются на сайте <http://ejournals.pp.net.ua>

Научное общество
Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета

Studia Türkologica
Воронежский тюркологический сборник

2007 / 1

На русском и английском языках.

Воронеж
2007

Оригинал-макет:
М.В. Кирчанов

Он-лайн версия:
<http://ejournals.pp.net.ua>

Московский пр-т, 88
Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений